

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ПРАВА Башкирского государственного университета

Сетевой научный журнал

№ 1 2021

Учредитель

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»

Издатель

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»

Редакционный совет журнала:

**Председатель редакционного совета
И.А. Макаренко**

доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой криминалистики,
председатель Центральной избирательной
комиссии Республики Башкортостан (Уфа).

**Заместитель председателя
редакционного совета
А.Б. Галимханов**

кандидат юридических наук, доцент кафедры
криминалистики, проректор Башкирского
государственного университета
по учебно-методической работе (Уфа).

Члены редакционного совета:

Г.М. Азнагулова

доктор юридических наук, профессор Института
законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве РФ (Москва);

Ф.Г. Аминев

доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры криминалистики (Уфа);

Н.Н. Арзамаскин

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права Ульяновского
государственного университета (Ульяновск);

М.М. Бринчук

заслуженный деятель науки Российской
Федерации, доктор юридических наук,
профессор, заведующий Сектором
эколо-правовых исследований ИГП РАН,
Институт государства и права РАН (Москва);

А.В. Варданян

заслуженный деятель науки Российской
Федерации, доктор юридических наук,
профессор, начальник кафедры криминалистики
и оперативно-разыскной деятельности, ФГКОУ
ВО РЮИ МВД России (Ростов-на-Дону);

Е.Л. Васянина

доктор юридических наук, доцент, заведующая
кафедрой финансового права
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета (Санкт-Петербург);

Н.Д. Вершило

доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры земельного и экологического права
Российского государственного университета
правосудия (Москва);

Р.Х. Гиззатуллин

доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры финансового и экологического права (Уфа);

Леруа Кристоф

доктор права, профессор
Университета Перпеньян (Франция);

Т.И. Макарова

доктор юридических наук, профессор
Белорусского государственного университета
(Минск, Республика Беларусь);

Р.В. Нигматуллин

доктор юридических наук, профессор, заведующий
кафедрой международного права и международ-
ных отношений (Уфа);

В.П. Сальников

доктор юридических наук, профессор, главный
редактор журнала «Юридическая наука: история и
современность» (Санкт-Петербург);

Н.А. Саттарова

доктор юридических наук, профессор, заведующая
кафедрой финансового и экологического права (Уфа);

А.П. Семитко

доктор юридических наук, профессор
Гуманитарного университета (Екатеринбург);

А.А. Тарасов

доктор юридических наук, профессор, заведующий
кафедрой уголовного права и процесса (Уфа);

Ш.В. Тлепина

доктор юридических наук, профессор
Евразийского национального университета
им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан);

Е.М. Тужилова-Орданская

доктор юридических наук, профессор, заведующая
кафедрой гражданского права (Уфа);

А.А. Эксархопуло

доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры криминалистики (Уфа);

Р.Г. Юсупов

доктор исторических наук, профессор, профессор
кафедры государственного права (Уфа);

Л.Ш. Гумерова

кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры государственного права (Уфа);

Р.И. Зайнуллин

кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры криминалистики, директор Института
права (Уфа);

М.Б. Кострова

кандидат юридических наук, доцент, профессор
кафедры уголовного права и процесса (Уфа);

О.М. Крылов

кандидат юридических наук, доцент, заведующий
кафедрой государственного права (Уфа);

З.А. Юсупова

кандидат филологических наук, доцент кафедры
международного права и международных
отношений (Уфа).

Редакционная коллегия**Главный редактор**

Ф.Х. Галиев, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права,
и. о. заведующего кафедрой теории государства и права.

Выпускающий редактор**О.И. Макова**

начальник Научно-инновационного центра Института права.

Редактор англоязычных текстов**Н.М. Мухаметгареева**

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры международного права
и международных отношений.

Технический редактор**А.В. Бабенкова**

Электронная почта редакции vest-law@yandex.ru; тел. (347)228-90-30.

Выписка из реестра зарегистрированных СМИ:

ЭЛ № ФС 77-72664 от 16.04.2018

СОДЕРЖАНИЕ

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**

Рудман М.Н.

Противоречия социальной памяти о месте религии в российском обществе
и их последствия 7

**КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ
СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО**

Сергеев А.Л.

Организационно-правовые основы государственной регистрации уставов
муниципальных образований и проблемные аспекты ее проведения 17

Фролова Н.А.

Региональные приоритеты в условиях современного конституционного
реформирования и национальных целей развития 21

Шаймухаметова Л.Р.

Практические аспекты института отстранения члена участковой комиссии
от участия в ее работе 28

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ;
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО**

Ахмадуллин А.С.

Преступление как категория философии 32

Бредихин А.Л.

К вопросу о понятии объекта преступления 40

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Корнелюк О.В.

Институт рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей:
зарубежный опыт и тенденции его развития в России 46

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Филиппов О.А., Бикмеева З.И.

Защита Советом Европы прав человека от негативных последствий
результатов научно-технического прогресса 51

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Фахрутдинова Г.Р.

Реакция на судебное инвестирование:
вопросы реализации, ожидания и опасения 58

Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University

№ 1 (9)

2021

Published since 2018
Issued four per year

Founder

Bashkir State University

Publisher

Bashkir State University

Council of Science Editors:**Head of Council****Ilona A. Makarenko**

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics, Chairperson of the Central Elections Commission of the Republic of Bashkortostan (Ufa).

Deputy Head of Council**Azat B. Galimkhanov**

Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Criminalistics, Vice-Rector for Academic Work (Ufa).

Editorial Council Members:**Guzel M. Aznagulova**

Doctor of Law, Professor of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow);

Farit G. Aminev

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminalistics (Ufa);

Nikolai N. Arzamaskin

Doctor of Law, Professor, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk);

Mikhail M. Brinchuk

Doctor of Law, Professor, Head of the Sector of Environmental Legal Studies, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow);

Akop V. Vardanyan

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics and Operative Search Activity, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Rostov-on-Don);

Elena L. Vasyanina

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Financial Law, St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg);

Nikolai D. Vershilo

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Land and Environmental Law, Russian State University of Justice (Moscow);

Ravil Kh. Gizzatullin

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Financial and Environmental Law (Ufa);

Christophe Leroy

Doctor of Law, Professor, Université de Perpignan (France);

Tamara I. Makarova

Doctor of Law, Professor, Belarusian State University, (Minsk, Republic of Belarus);

Rishat V. Nigmatullin

Doctor of Law, Professor, Bashkir State University (Ufa);

Victor P. Salnikov

Doctor of Law, Professor, Editor-in-Chief of the Journal «Legal Science: History and Modernity» (St. Petersburg);

Nuria A. Sattarova

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Financial and Environmental Law (Ufa);

Alexey P. Semitko

Doctor of Law, Professor, Liberal Arts University (Yekaterinburg);

Alexander Al. Tarasov

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Procedure (Ufa);

Sholpan V. Tlepina

Doctor of Law, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan);

Elena M. Tuzhilova-Ordanskaya

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Civil Law (Ufa);

Alexey A. Eksarhopulo

Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminalistics (Ufa);

Rakhimyan G. Yusupov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Chair of State Law (Ufa);

Lusya Sh. Gumerova

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of State and Law (Ufa);

Ruslan I. Zaynullin

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminalistics, Director of the Institute of Law (Ufa);

Marina B. Kostrova

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor,
Professor of the Chair of Criminal Law and
Procedure (Ufa);

Oleg M. Krilov

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor,
Head of the Chair of State Law (Ufa);

Zylia A. Yusupova

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Assistant Professor of the Chair of International
Law and International Relations (Ufa).

Editorial Board**Editor-in-Chief****Farit Kh. Galiev**

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Theory of State and Law,
Acting Head of the Chair of Theory of State and Law.

Executive Editor**Olga I. Makova**

Head of Science and Innovation Campus of the Institute of Law.

English Texts Editor**Natalya M. Mukhametgareeva**

Candidate of Sciences (Philology), Assistant Professor of the Chair of International Law
and International Relations.

Technical Editor**Alexandra V. Babenkova**

E-mail vest-law@yandex.ru;

Tel.: (347)228-90-30

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications Registration Certificate
ЭЛ № ФС 77-72664 of April 16, 2018

CONTENTS

**THEORY AND HISTORY OF STATE;
HISTORY OF DOCTRINE OF STATE AND LAW**

Rudman M.N.

Contradictions in Social Memory on the Place of Religion in Russian Society
and their Consequences 7

**CONSTITUTIONAL LAW; CONSTITUTIONAL
LAW PROCEEDING; MUNICIPAL LAW**

Sergeev A.L.

Organizational and Legal Framework for the State Registration
of Municipal Charters and Challenges of Its Implementation..... 17

Frolova N.A.

Regional Priorities in the Context of Modern Constitutional Reform
and National Development Goals 21

Shaimukhametova L.R.

Practical Aspects of the Institution of Suspension from Work the Member
of the Electoral Commissions 28

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, CRIMINAL AND PENAL LAW

Akhmadullin A.S.

Crime as a Category of Philosophy 32

Bredikhin A.L.

On the Notion of the Object of Crime..... 40

CRIMINAL PROCEEDING

Kornelyuk O.V.

Institute of Jury Criminal Cases: Foreign Experience Trends in its Development
in the Russian Federation 46

INTERNATIONAL LAW

Filippov O.A., Bikmeeva Z.I.

The Council of Europe Protection of Human Rights Against the Negative Effects of Scientific
and Technical Progress 51

CIVIL PROCEDURE, ARBITRAL PROCEDURE

Fakhrutdinova G.R.

Response to Judicial Investment: Implementation Issues, Expectations and Fears..... 58

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 340

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.9.1

М. Н. Рудман

ПРОТИВОРЕЧИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ О МЕСТЕ РЕЛИГИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

Дата поступления 16 февраля 2021 г.

В статье проанализированы исторические особенности влияния религии на развитие русской культуры и на функционирование сложившейся в России модели отношений общества и государства. Рассмотрены предпосылки утраты созидательного влияния религии как источника ценностей и национальной консолидации на социально-политическое становление российского государства. Автор считает, что последствием возникшего в результате снижения авторитета религии социокультурного раскола является социокультурная травма. Это состояние определяется как главный барьер для проведения модернизации в современной России.

Ключевые слова и фразы: ценности; религия; частные интересы; милитаризация; бюрократия; социокультурный раскол; социокультурная травма.

M. N. Rudman

CONTRADICTIONS IN SOCIAL MEMORY ON THE PLACE OF RELIGION IN RUSSIAN SOCIETY AND THEIR CONSEQUENCES

The article analyzes historical features of the religion influence on the development of Russian culture and on the functioning of the Russian model of relations between society and the State. A comparative analysis made it possible to examine the conditions for the loss of the religion influence as a source of values and national consolidation on the social and political development of the Russian

State. The author thinks that the consequence of the socio-cultural split that has arisen as a result of the decline in the authority of religion is a socio-cultural trauma. This condition is defined as the main barrier to modernization in modern Russia.

Keywords and phrases: values; religion; private interests; militarization; bureaucracy; socio-cultural division; socio-cultural trauma.

Особенность развития русской культуры в эпоху становления национальной государственности заключается в постепенной утрате нравственного авторитета православной церкви, когда-то давшей мощный стимул к объединению русских земель. Для европейских народов, под влиянием которых происходило становление общественного сознания русской политической элиты, мощным стимулом духовно-психологической мобилизации на преобразование общества в течение почти тысячелетия (со времен «папской революции» XI в.) являлся именно авторитет церкви, сначала католической, а затем, как следствие ее государственной деградации, протестантской. Содержание протестантского вероучения обусловило становление высочайшего авторитета индивидуального социального творчества, сопряженного с пронизывающей религию идеей индивидуальной ответственности.

Именно в этом качестве христианская религия, обладавшая громадным нравственным авторитетом, стала основным фактором развития духовной культуры, то есть воспроизводства систем национальных культур. Российская специфика относительно этой модели развития проявилась в насильственном уничтожении этого авторитета отечественными самодержцами в XVI–XVIII вв. Неизбежная потеря нравственных ориентиров в результате такого перераспределения ролей и обусловила состояние раскола, в котором российское общество пребывает до настоящего времени. Его ведущим и опасным для воспроизводства национальной культуры следствием является удивляющая всех иностранных наблюдателей личная пассивность, оказывающая решающее влияние на особенности экономического и политического строя. Экономика и тем более политика считаются делом государства, от которого общество охотно отстраняется, предоставляя государственной бюрократии с предельной примитивностью, помноженной на произведенное неверием в свои силы российское «долготерпение», но с пафосными лозунгами определять по своему «самодержавному» разумению расходование всегда казавшихся неограниченными природных и людских ресурсов.

Отдельной стороной такого специфического варианта развития является содержание воспроизводимых с XVI в. лозунгов, отражающих стремление подчеркнуть свою независимость и великодержавность, но не способных стать идеологией, предполагающей логическую опору на истинную картину

явлений и пробуждение исторического оптимизма у людей, принявших ее содержание. Духовно и политически пассивным обществом предложенные государственной бюрократией, на первый взгляд, пафосные идеи воспринимаются равнодушно и настороженно, что и свидетельствует о расколе. Эта настороженная и пессимистическая пассивность вызвана, в свою очередь, расколом между ценностями служения обществу и историческим воспроизводством в каждом поколении привычки безусловного подчинения милитаризованному государству, служило-вотчинная элита которого регулярно и с увлечением убеждает население в том, что Россия в очередной раз окружена врагами.

В этом социальном пессимизме, сознательно поддерживаемом государственной бюрократией с целью сохранения иллюзии своей социальной полезности, заключается главное препятствие для мобилизации личностной энергии к участию в социальном творчестве во всех сферах, необходимом для становления национальной культуры. Это состояние до настоящего времени ярко характеризует состояние русской культуры. Оно получило наименование социокультурной травмы, или социокультурного раскола, ключевой признак которого – постоянно, из поколения в поколение воспроизводимая социумом неспособность к разрешению социокультурных противоречий [1, с. 702].

Это состояние обнаруживается в форме не решенного до сих пор противостояния парализующих и разрушающих друг друга социальных сил, имеющих противоположные интересы [2, с. 187]. Противоречия социальных смыслов, определяющих существование различных социальных групп – «государевых служащих» и противостоящих им «подлых» слоев, содержащих бюрократию своим трудом, но не ощущающих с ней культурного, ценностного единства, формируют также воспроизводящийся в каждом новом поколении тип личности с парадоксальным «расколотым» сознанием.

Социокультурный раскол выражается в характерных для всех политически значимых слоев российского общества иррациональных стереотипах сознания, гарантирующих упрощенное рассмотрение реальности, искажающее ее объективное состояние. Но стремление к такому искажению воспроизводится потому, что социальная реальность для общественной психологии представляет собой морально неприемлемое, несправедливое состояние, в котором индивидуальное и общественное сознание пребывает лишь потому, что государственная бюрократия более ничего ему не предлагает.

Если сопоставлять эволюцию социальных ценностей западных государственно организованных наций и России, то выясняется, что источником этих ценностей на Западе являлась христианская церковь, эволюция которой от католицизма к протестантизму и связанное с этим интеллектуальное, нравственное и социально-правовое развитие привели к появлению запад-

ных феноменов гражданского общества и опирающегося на него национального государства, ставших системными двигателями социального прогресса. Российская же специфика состоит в том, что в кризисные периоды истории «государь» и состоящая при его «дворце» служила бюрократия, движимая, при ближайшем рассмотрении, паразитическими интересами, перехватила у религии функцию выработки ценностей и жизненных ориентиров. В период становления русской государственности религия по исторически обусловленным причинам утратила доверие общества, принявшего сторону государства в этом конфликте.

Содержание отношений церкви и государства в историческом развитии характеризуется следующими противоречиями.

Во-первых, противоречиями ценностей. Определяя социально значимое поведение, они стали причиной конфликта между повседневными духовными потребностями людей и стремлением церковной бюрократии пользоваться благами, которые предоставляет публичная власть. Проповеди церковников о мире, любви, национальном единстве с XVI в. используются с целью мобилизации населения на борьбу с оппонентами официальной церкви. Первым примером такой разрушительной для общества ситуации стала борьба нестяжателей и иосифлян, воспользовавшихся поддержкой великокняжеской власти для победы в конфликте, интерес в котором у победителей был сугубо материальным, что было очевидно для современников. И эта политика Русской православной церкви стала традицией, активно поддерживаемой государством до сих пор.

В социальной памяти запечатлен образ священника – духовного лидера, который своим авторитетом способен поддержать людей в моменты жизненных и душевных кризисов. А официальная церковь отстаивает интересы учреждений церковной власти, подменяющей идеи возрождения нравственности и духовности необходимостью смирения перед социальной несправедливостью с целью получения доступа к управлению широкими слоями населения. В качестве примера можно привести призывы современных религиозных деятелей «читать память палачей и их жертв». Такая активно распространяемая и принимаемая обществом политика не является идеологией и порождает беспомощность общества перед любыми «капризами» государства, не давая людям в тяжелейших жизненных ситуациях моральных сил для творческого поиска путей выхода из них.

Во-вторых, противоречия между традиционными формами христианского, гражданского поведения с забытыми смыслами религиозных ритуалов. Эмоциональная тяга формально верующих к старинным обрядам с их внешними атрибутами демонстрирует феномен «обрядоверия», проявляющийся в очевидном отсутствии понимания христианского смысла участия в

таинствах, посещения литургии, построения отношений между христианами на принципах любви. Примечательно, что он был усвоен и «советской цивилизацией», идеологическая слабость которой выражалась в нежелании как партийной элиты, так и всего прошедшего мощную советскую идеологическую обработку общества всерьез изучать и понимать идеи марксизма, на которых формально строилась вся советская государственность. После 1991 г. аналогичное отношение демонстрируется обществом и возрождающейся государственной бюрократией к ценностям либерализма, являющимся моральной и политической основой социального прогресса. Критикуемый большинством современной властной элиты и научного сообщества России либерализм является идеологической основой конституционного строя, отражающего способность общества к достижению компромисса как условия развития. Нежелание усваивать его ценности провоцирует повторение ситуации с отсутствием именно ценностных стимулов к развитию, которые западному обществу Нового времени дала именно религия, точнее, вдохновляемые ею подвижники борьбы за сохраняющиеся до настоящего времени ценности индивидуальных прав.

В-третьих, противоречия церковной власти между священниками, стремящимися воплотить идеал христианского служения пастве, и церковной элитой, ориентированной на учреждения светской власти. Подрыв доверия к религиозным организациям Русской православной церкви обусловлен критическим отношением новых поколений, не переживших опыта государственного преследования церкви, но наблюдающих в социальных сетях коррупционные скандалы церковных чиновников, выступающих с неожиданными политическими заявлениями и требующих предоставить им публичный контроль за «духовными скрепами» современного общества. Противоречие здесь проявляется в том, что сохранение в социальной памяти образов духовного подвижничества и простоты священнослужителей не поддерживается реальными примерами социального служения и самопожертвования современного поколения церковных деятелей.

В-четвертых, противоречия между субъективным переживанием исторических событий, основанным на естественном принятии большинством членов общества духовного лидерства служителей церкви, вызывающем ожидание восстановления интегрирующей роли «православных ценностей» в организации жизни, и прерванной традицией такого лидерства в исторической практике (вторая половина XVII–XXI вв.). Она определяет мучительные поиски моделей взаимодействия власти и церкви, человека и религии. Причем эти поиски присущи социальной среде и мирян, и духовенства.

В итоге противоречия социальной памяти в церковно-государственных отношениях в XXI в. обуславливают и воспроизводство состояния социокульту-

турного раскола. Он по-прежнему не позволяет обеспечить необходимый для развития гражданский консенсус, разделяя общество на «консерваторов», идеализирующих Ивана Грозного, Петра I и Сталина с их человеконенавистнической практикой, и «либералов», настаивающих на том, что именно исторически сложившаяся в России традиция государственного вмешательства в общественную жизнь порождает безответственность и паразитизм, блокирующие возможности социального развития. Если в основе западного прогресса лежала религиозная концепция протестантов, то в России предками современных «либералов» являются последователи Н. Сорского – современника Ивана III. Их позиция близка теории М. Вебера о преобладающем влиянии религиозных стимулов на создание гуманистической творческой атмосферы, необходимой для веры в социальную справедливость, определяющую саму возможность ускорения общественного развития. И сторонники разных подходов в силу присущего российскому обществу социокультурного раскола все меньше понимают друг друга. На этом фоне происходит возвращение лидирующей роли государства в определении религиозной политики, которая уже не раз приводила российское общество к катастрофе.

Если в качестве доказанной исторической закономерности принимается фундаментальная роль религии в становлении и историческом воспроизводстве основанной на традиции культуры, то рассмотренные особенности роли православия и Русской православной церкви в истории русской культуры позволяют утверждать наличие в русской истории тенденции ослабления влияния религии на общество. При этом надо учитывать, что именно религия является универсальным источником ценностей, мобилизующих личностную энергию и энергию социальных коллективов. Наиболее наглядный пример – послужившая идеологией западной модернизации философия Просвещения, в основе которой лежит именно религиозная по природе вера в индивидуальный человеческий разум и его способность эффективно решать все социальные вопросы [3, с. 77]. Эта вера, обозначенная Г. Берманом как «светская религия», послужила мощным стимулом социального развития, в систему которого были включены предпринимательская инициатива, расцвет на основе утверждения религиозной природы свободы мысли, науки и образования и, в итоге, политическое движение за изменение государственного режима в направлении расширения возможностей для самореализации индивида в социальном творчестве. «Политические и социальные философии, выросшие из Просвещения, были религиями, потому что они приписывали высший смысл и святость индивидуальному разуму, диктующему во имя обеспечения безопасности Свободы объединение в нацию» [4, с. 48].

Выявленная тенденция ослабления религиозного стимула к социальному творчеству в истории России позволяет определить ее как ведущую

особенность процесса становления русской культуры. Данная тенденция усилилась после бюрократизации Русской православной церкви по воле Петра I и наглядно проявила себя именно в процессе становления классической русской культуры в XVIII–XIX вв.

Актуальность исследования данного вопроса обусловлена тем, что в системе культуры современной России Русская православная церковь презентует себя как силу, способную консолидировать общество. Однако исторический опыт неоднозначно осмысливается религиозными организациями, предпочитающими забыть травмирующие факты с целью усиления своего авторитета в обществе, необходимого для получения желаемого идеологического и социально-политического статуса источника и охранителя ценностей [2, с. 187].

Социокультурная травма понимается в социологии как коллективный феномен, который порождает трагические события в жизни личности и социальной группы, нарушающие социокультурную целостность ментальных структур общности. В отличие от психологической науки, где травма рассматривается в качестве фактора влияния на личность, в социологии метафора травмы используется для осмысления событий, изменивших историческую судьбу народов.

Социокультурная травма может принимать форму исторической или культурной травмы, сохраняя факт давления на социокультурные изменения драматического характера в духовной сфере на уровне исторической судьбы общности или отдельных личностей и их семей. Травмирующая ситуация разрушает «культурную ткань общества», судьбы людей, проявляясь в сферах социальной мобильности, феноменах национального унижения или национальной гордости, обуславливающих коллективное стремление взять исторический реванш [3, с. 77].

Порожденная социокультурной травмой пассивность общества формально усиливала самодержавие, получавшее неограниченную возможность реализации бюрократических проектов модернизации, но уже в ходе осуществления таких проектов становился очевидным их неустойчивый эффект в форме пассивного сопротивления или выжидательного равнодушия общества к его реализации. Этот социокультурный механизм сработал в ходе социалистической модернизации и может сработать в современном состоянии «бюрократической» модернизации, если вообще возможно развитие, опирающееся на психологию служилого, то есть в принципе лишенного собственной ценностной автономии чиновничьего класса.

В сложившейся при учете воздействия социокультурной травмы системе русской культуры опирающаяся на многочисленную бюрократию власть всегда имела тактическое преимущество в виде «перехвата инициативы»

для внедрения идеологических позиций «правильного» понимания исторических событий, но этого эффекта хватало на одно или два поколения, как это произошло в СССР. Сохранившая последствия травмы социальная память после смены одного или нескольких поколений вела к воспроизводству травмирующей ситуации вакуума ценностей, вызванного слабостью влияния на русское общество религиозного механизма воспроизводства культуры.

События форсированной социалистической модернизации путем организованного государственного насилия в плане методов осуществления были традиционными для российского государства и определили продолжительность парализующего влияния нанесенной социокультурной травмы на социальное поведение людей, которое в значительной степени определяет как общее состояние системы культуры современной России, так и проблемы религиозного возрождения.

Усугубление последствия травмы происходит в результате не менее шокирующего нового эксперимента, фактически повторяющего модель сотрудничества Русской православной церкви с государством, предоставляющим церкви возможности для усиления экономического и идейного влияния в обмен на полную политическую лояльность. Русская православная церковь постепенно получает статус официальной «правой руки» светской власти, оказывая растущее влияние на государственную систему образования [2, с. 188].

Таким образом, исторически сформировавшиеся противоречия в системе отношений между церковью, государством и обществом унаследованы системой культуры современной России, что мешает религии занять в этой системе необходимое для созидательной социальной деятельности место в качестве источника социально обусловленных и потому принимаемых ценностей и жизненных ориентиров. Противоречия социальной памяти в церковно-государственных отношениях в XXI в. обуславливает и воспроизводство состояния социокультурного раскола. Его наиболее опасным следствием оказался ценностный вакуум. В российском обществе исторически закрепился феномен социокультурного раскола, пока не позволяющий выработать объединяющую общество систему созидательных гражданских ценностей, необходимую для формирования нации и успешного осуществления модернизации. Проблема усугубляется тем, что когда в силу этого вакуума и порожденной им социальной пассивности общества задачи модернизации пытаются решать государство с его неискоренимыми пороками административного произвола, всеобщей бюрократизации и некомпетентности, кризис ценностей усиливается, выражаясь в утрате необходимого для развития и объединяющего людей в нацию чувства исторического оптимизма.

Список использованной литературы

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта : в 2 т. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997. Т. 1. 804 с.
2. Логунова Л.Ю., Рычков В.А. Противоречия исторической и социальной памяти во взаимоотношениях Церкви и государства // Вестник Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 186–199.
3. Новикова О.И., Рудман М.Н. Последствия закрепления поместно-служилой системы как опоры самодержавия и социокультурный раскол общества в XVII веке (часть 3) // Евразийский юридический журнал. 2020. № 8 (147). С. 77–78.
4. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. М. : Норма, 1998. 624 с.

References

1. Akhiezer A.S. *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta* [Russia: Criticism of Historical Experience]. Novosibirsk, Siberian Chronograph Publ., 1997, vol. 1. 804 p.
2. Logunova L.YU., Rychkov V.A. Contradictions of the Historical and Social Memory in Relations between Church and State. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya = Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2017, no. 38, pp. 186–199. (In Russian).
3. Novikova O.I., Rudman M.N. Consequences of the Consolidation of the Local-Service System as Supports of Autocracy and the Sociocultural Split of Society in the 17th Century (part 3). *Evrasijskij yuridicheskij zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2020, no. 8 (147), pp. 77–78. (In Russian).
4. Berman G.J. *Zapadnaya tradiciya prava: epoha formirovaniya* [Western Tradition of Law: the Era of Formation]. Moscow, Norma Publ., 1998. 624 p.

Информация об авторе

Рудман Марк Наумович –
кандидат исторических наук,
магистр права, доцент кафедры
теории государства и права
Института права Башкирского
государственного университета,
г. Уфа; e-mail: markrudman@yandex.ru

Information about the Author

Rudman Mark Naumovich –
Candidate of Sciences (History),
Master of Laws, Associate Professor
of the Chair of Theory of State and
Law, Institute of Law, Bashkir State
University, Ufa;
e-mail: markrudman@yandex.ru

Для цитирования

Рудман М.Н. Противоречия социальной памяти о месте религии в российском обществе и их последствия // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2021. № 1. С. 7–16. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.9.1.

For citation

Rudman M.N. Contradictions in Social Memory on the Place of Religion in Russian Society and their Consequences. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State Uiversity*, 2021, no. 1, pp. 7–16. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.9.1. (In Russian).

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 347.73

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.9.2

А. Л. Сергеев

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ УСТАВОВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ И ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЕЕ ПРОВЕДЕНИЯ

Дата поступления 4 марта 2021 г.

В статье анализируется процесс государственной регистрации уставов муниципальных образований. Делается акцент на базовых элементах, без которых государственная регистрация уставов муниципальных образований не может быть осуществлена. Отмечается наличие ряда факторов, выявленных в процессе практической работы, которые осложняют процедуру соответствующей регистрации. С учетом современных реалий подробно разобраны типичные ошибки, даны рекомендации по их недопущению.

Ключевые слова и фразы: устав муниципального образования; процедура государственной регистрации; подготовка документов; региональное законодательство; регистрация устава.

A. L. Sergeev

ORGANIZATIONAL AND LEGAL FRAMEWORK FOR THE STATE REGISTRATION OF MUNICIPAL CHARTERS AND CHALLENGES OF ITS IMPLEMENTATION

The process of state registration of the municipal charters is analyzed. The author underlines the basic elements, without which the state registration of the municipal charters cannot be carried out. It is noted that there are a number of factors that have been identified in practice that make it difficult the procedure for

appropriate registration. Taking into account modern realities, typical errors are underlined in detail, and recommendations for their prevention are given.

Keywords and phrases: municipal charter; the procedure of state registration; preparation of documents, local law, charter registration.

Согласно Федеральному закону от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» устав муниципального образования – это муниципальный правовой акт высшей юридической силы, который закрепляет и регулирует важнейшие вопросы организации и осуществления местного самоуправления в конкретном муниципальном образовании и действует на всей его территории. К данному документу предъявляются требования о соответствии федеральному и региональному законодательству и об отсутствии коррупционных норм. Соответствующая проверка проводится в ходе государственной регистрации уставов муниципальных образований в органах юстиции, процедура которой определена в Федеральном законе от 21 июля 2005 г. № 97-ФЗ «О государственной регистрации уставов муниципальных образований». Эта процедура обязательна и включает в себя ряд последовательных действий: первичную проверку при приеме документов, проведение правовой и антикоррупционной экспертизы, подготовку приказа о государственной регистрации, присвоение индивидуального регистрационного номера, занесение информации о государственной регистрации в специальную книгу, внесение зарегистрированных уставов в электронную базу.

Как было справедливо замечено А.Н. Артамоновым, одними из приоритетных задач территориальных органов Министерства юстиции РФ по обеспечению единства правового пространства является государственная регистрация уставов муниципальных образований [1], залогом успешного прохождения которой выступает своевременное предоставление главой муниципального образования полного комплекта необходимых документов. Несоблюдение установленных законом требований влечет возврат представленных документов главе муниципального образования, а выявленные в уставе коррупционные нормы и нарушения действующего законодательства – отказ в государственной регистрации.

Решение о государственной регистрации устава муниципального образования принимается в тридцатидневный срок со дня его представления для государственной регистрации, а в пятидневный срок после регистрации устав должен быть направлен главе муниципального образования.

В условиях постоянной модернизации федерального законодательства работа по приведению уставов муниципальных образований в соответствие с федеральным и региональным законодательством стала систематической, а потому важно, чтобы она была полностью отлажена.

Однако практика показала, что имеется ряд проблемных аспектов, которые затрудняют процедуру государственной регистрации уставов муниципальных образований.

1. Внесение единичных изменений в устав муниципального образования по вопросу, который представляется наиболее актуальным с точки зрения представителя муниципального образования, оставляя при этом без внимания иные изменения, требующие внесения в силу действующего федерального законодательства.

Между тем устав муниципального образования должен соответствовать действующему законодательству в целом, а не в отдельной его части. В силу чего более логично объединить несколько изменений, внесенных в федеральное законодательство, и комплексно отразить их в решении о внесении изменений в устав, тем более что законодательно такая возможность предусмотрена. На приведение устава в соответствие с федеральным законодательством отводится шесть месяцев.

2. Работа по подготовке документов для государственной регистрации предполагает сопоставление норм действующего законодательства с текстом устава конкретного муниципального образования. Соответственно, необходимо знание базовых юридических норм, чтобы разработанный муниципальный нормативный правовой акт не нарушал права и законные интересы граждан, не стал причиной конфликтной ситуации и разбирательств в судебных органах.

Однако в большинстве представительных органов местного самоуправления не предусмотрена должность юриста, а квалификационные требования для главы сельского поселения отсутствуют. В то время как именно глава муниципального образования выступает в силу закона ответственным лицом от имени муниципального образования в процедуре государственной регистрации. Соответственно, вопрос о качестве подготавливаемых документов по внесению изменений в устав муниципального образования стоит в настоящее время достаточно остро, особенно если речь идет о сельских поселениях.

Один из способов решения этой проблемы – разработка модельных проектов уставов муниципальных образований или решений о внесении в них изменений с участием территориального органа Минюста России, прокуратуры субъекта Российской Федерации, представительных органов местной власти или же Совета муниципальных образований субъекта Российской Федерации, представляющего их интересы. При таком подходе типовый проект, который рассылается главам муниципальных образований, уже не будет содержать нарушений федерального законодательства и коррупционных норм.

Другой вариант решения обозначенной проблемы – повышение юридической грамотности представителей муниципальных образований в целях развития муниципального нормотворчества собственными усилиями, на-

пример, в рамках ежегодных курсов повышения квалификации муниципальных служащих.

Кроме того, положительный эффект будет иметь своевременная актуализация сведений по вопросам государственной регистрации уставов муниципальных образований на официальном сайте территориального органа Минюста России, а также разъяснение ключевых аспектов ее проведения в процессе непосредственного взаимодействия с представителями муниципалитетов при представлении документов на государственную регистрацию.

Список использованной литературы

1. Артамонов А.Н. Устав муниципального образования и цели нормотворчества // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 6. С. 37–41.

References

1. Artamonov A.N. Articles of Association of a Municipal Entity and Objectives of Rule-Making. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Government*, 2018, no. 6, pp. 37–41. (In Russian).

Информация об авторе

Сергеев Артём Леонидович – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа; e-mail: arts_88@bk.ru

Information about the Author

Sergeev Artyom Leonidovich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Chair of State Law, Institute of Law, Bashkir State University, Ufa; e-mail: arts_88@bk.ru

Для цитирования

Сергеев А.Л. Организационно-правовые основы государственной регистрации уставов муниципальных образований и проблемные аспекты ее проведения // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2021. № 1. С. 17–20. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.9.2.

For citation

Sergeev A.L. Organizational and Legal Framework for the State Registration of Municipal Charters and Challenges of Its Implementation. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2021, no. 1, pp. 17–20. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.9.2. (In Russian).

УДК 340

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.9.3

Н. А. Фролова

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО КОНСТИТУЦИОННОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ

Дата поступления 22 марта 2021 г.

В статье акцентируется внимание на приоритетных направлениях регионального развития в контексте национальных целей, утвержденных Указом Президента РФ, и в соответствии с современными конституционными изменениями. Обосновывается особая важность и ценность принципа конституционализма, позволяющего объективно анализировать правовое регулирование экономических, социальных, культурных отношений на региональном и местном уровне. Большое значение для региональной власти приобретает функция управления общественным и территориальным развитием, включая законодательные, организационные меры по дальнейшему совершенствованию человеческого капитала, региональной экономики, достижению качественного состояния жизненной среды. Обосновывается необходимость грамотного использования имеющихся в регионах ресурсов и постоянного взаимодействия власти и общества в достижении социального благополучия на местном уровне, что в целом отвечает реализации национальных целей развития российской государственности.

Ключевые слова и фразы: регион; развитие; приоритет; национальные цели; человеческий капитал; жизненная среда; региональная экономика; устойчивость; конституционализм; правовая практика.

N. A. Frolova

REGIONAL PRIORITIES IN THE CONTEXT OF MODERN CONSTITUTIONAL REFORM AND NATIONAL DEVELOPMENT GOALS

The article focuses on regional development priorities in the context of national goals approved by the Decree of the President of the Russian Federation and

in accordance to modern constitutional amendments. The author proves the special importance of the principle of constitutionalism, which allows an objective analysis of the legal regulation of economic, social, and cultural relations at the regional and local levels. The management of social and territorial development, including legislative and organizational measures for the further improvement of human capital and the regional economy, achieving a quality of the living environment is of great importance for the regional authorities. The author substantiates the necessity of competent use of the resources available in the regions and the constant interaction of the government and society in achieving social well-being at the local level, which generally corresponds to the implementation of the national goals of the development of the Russian statehood.

Keywords and phrases: region; development; priority; national goals; human capital; living environment; regional economy; stability; constitutionalism; legal practice.

Деятельность институтов власти федерального и регионального уровней в сочетании с устойчивым взаимодействием со структурными элементами гражданского общества по реализации национальных целей развития России в современных геополитических условиях предметно корреспондируется с конституционными поправками и изменениями, принятыми на общероссийском голосовании 1 июля 2020 г.

Данный аспект отражает необходимость объективного осмысления сложившейся в регионах ситуации в социально-экономической и правовой сферах, которое актуализирует особо значимые направления работы, способствующие не только сохранению и укреплению российской государственности, но и устойчивому развитию территорий регионов, местного самоуправления, утверждению общественно необходимых, социально значимых приоритетов. Это, прежде всего, развитие и совершенствование на региональном уровне человеческого капитала, формирование комфортной жизненной среды, реальные меры регионального экономического роста.

Обновленная редакция Конституции РФ в полной мере составляет фундамент целенаправленной деятельности по реализации в субъектах Российской Федерации отмеченных национальных приоритетов. Этому способствует и углубленное понимание конституционализма как общеправового принципа и правовой практики, что позволяет:

- анализировать и оценивать фактически сложившиеся в регионе общественные, политические, экономические, социальные отношения, уровень их законодательного регулирования;

- осмысливать и обобщать исторические, национальные, этнические, культурно-духовные особенности, учитывать в комплексе факторы, воздей-

ствующие на бытие человека, его права и гарантии жизнеобеспечения и деятельности.

Конституция РФ и стратегически важный для дальнейшего регионального развития принцип конституционализма в контексте деятельности в рамках национальных приоритетов актуализируют с широких деятельных позиций изучение жизненной среды территорий, конкретных региональных и местных особенностей, общественно-правовых отношений, подлежащих законодательной регламентации, специфических потребностей и интересов социума, реальных процессов и явлений политической и правовой жизни.

В практическом плане концепт конституционализма высвечивает востребованность повышения правовой культуры законодателя и правоприменителя, граждан и общества в целом, особенно его молодых поколений. Укрепление конституционного правосознания, стремление к достижению социального консенсуса, построение в регионе системы результативного взаимодействия власти и институтов гражданского общества способны придать оптимальные свойства реальной практике реализации национальных приоритетов в российских регионах, устойчивому механизму повсеместного обеспечения действия конституционных норм в повседневной жизни. В связи с этим возникает вопрос: какие подходы к достижению большей устойчивости в социальном, правовом развитии видятся на региональном уровне – на уровне субъекта Российской Федерации?

Во-первых, это укрепление системного управления в различных сферах региональной деятельности. Властные и общественные институты не вправе безучастно наблюдать за переменами и игнорировать те риски, которые с этими переменами связаны. Поэтому следует совершенствовать региональное законодательство, развивать правовой потенциал, выявлять имеющиеся неопределенности в правовом регулировании, вовремя оценивать риски, возникающие при разработке и реализации принятых решений.

Во-вторых, имеющаяся интеллектуальная, правовая вооруженность духом конституционных ценностей, практическими представлениями о приоритетах жизнедеятельности должна быть современнее, включая способность учитывать появление новых или меняющихся потребностей, интересов, практик. Это обуславливает необходимость более тесного взаимодействия власти, научно-образовательного сообщества по разработке стандарта регионального развития с учетом имеющихся ресурсов, традиций, социально-культурных ценностей, уже наработанного конкретного потенциала. Кроме того, конституционализм позволяет укреплять практическую платформу развития жизненной среды региона, грамотно использовать местные особенности, богатство традиций, достоинства своего региона, воспитывать подрастающие поколения с ориентацией на позитивные социальные жизненные горизонты,

формировать положительный образ для жизни, бизнеса, инвестирования в региональную экономику.

В современном формате необходимо вырабатывать и реализовывать деятельностьную концепцию взаимодействия региональной власти с гражданским, экспертным, научно-образовательным сообществом и трансформировать этот опыт в информационном сегменте, активизируя:

- направленность в достижении стандартов качества регионального развития;
- состояние региональной безопасности;
- включенность ресурсов и инструментального обеспечения в стратегию совершенствования территориальной среды;
- формирование атмосферы общих дел и заинтересованного общего настроения.

В отмеченных аспектах видится особая значимость управленческого ресурса. Так, известный ученый-экономист В. Леонтьев (1905–1999) не без оснований считал, что страна может обладать всеми ресурсами для развития, но отсутствие современной системы управления, основанной на интеллектуальной стратегии, автоматически отбрасывает ее в разряд отсталых [1, с. 8]. Сегодня определяющим становится именно управленческий ресурс как интегральный, в связи с чем управленческий ресурс становится интегратором всех общественных ресурсов: интеллектуальных, информационных, социальных, культурных.

Среди ряда законов социального управления с позиции развития региона и его территории с новым качеством жизненной среды видится необходимым подчеркнуть аксиологическую направленность следующих управленческих законов:

- приоритетности социальных целей, что особо важно на современном этапе, ибо наибольшую ценность представляют развитая, нравственная личность, общественное благосостояние, социальное благополучие в каждом территориальном образовании;
- возрастающей интеллектуальности в управлении, характеризующей своевременный характер управленческого воздействия в различных сферах общественных отношений.

С позиции развития человеческого капитала как одного из главных национальных приоритетов следует обозначить, что в российских регионах сохраняются задачи и конкретизация их решения:

- по формированию на территории региона социальных точек роста с созданием новых производственных мощностей;

- по укреплению и расширению научно-образовательной базы для обеспечения субъектов Российской Федерации молодыми и профессиональными кадрами;
- по развитию и активизации межрегионального и межгосударственного сотрудничества в научной и образовательной сферах;
- по совершенствованию региональной и муниципальной культурной, семейной, молодежной политики.

Приоритетными остаются те компоненты человеческого потенциала, которые подтвердились в исследованиях, проведенных Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН, в контексте социальных угроз и рисков: физическое, психическое и социальное здоровье; профессионально-образовательные ресурсы и интеллектуальный потенциал; культурно-нравственные ценности, духовность и социокультурная активность граждан [2, с. 14–32].

Другое приоритетное направление по формированию комфортной жизненной среды затрагивает ресурсное и инструментальное обеспечение для достижения качественных показателей уровня жизни в муниципальных образованиях, что практически являет собой задачу системного характера, так как затрагивает основные жизненные потребности человека, добротное функционирование инфраструктуры, высокий уровень личной и общественной безопасности, сохранение природных и биологических ресурсов и др.

Важным в реализации данных приоритетов остаются: развитие и совершенствование социального, трудового, жилищного законодательства; достижение качественной определенности социальной системы, достаточный уровень ее безопасности; сохранение социальной стабильности и жизнедеятельного состояния регионального сообщества. Кроме того, отмеченное в период проводимых модернизаций затрагивает совершенствование функций региональных органов и органов местного самоуправления по сохранению и наращиванию материальной базы и природной основы для функционирования жизненно важных сфер местного социума, включая приграничную территорию российских регионов (более 40 из 85 субъектов Российской Федерации являются приграничными).

Приоритетное направление, связанное с экономическим ростом в регионах, актуализирует постоянное внимание властных структур к вопросам занятости и производительности труда, развития государственно-частного партнерства, международной торговли и кооперации, поддержки и популяризации предпринимательства, создания устойчивой системы сельской кооперации и фермерства.

Столь необходимая в современных условиях потребность в качественном развитии регионов Российской Федерации с учетом реализации ее на-

циональных целей включает и умение как отдельного человека, так и регионального и местного сообщества отвечать на ключевые вызовы современности – вызовы неопределенности, сложности, разнообразия, а также опережать возникающие риски и угрозы. Отмеченное соотносится с формированием живого общества, нацеленного на развитие молодых поколений, с достоинством как главным качеством личности и государства [3, с. 11].

Заявленные приоритеты в направленности регионального развития взаимосвязаны с практической платформой всемерного и грамотного использования традиций, социально-культурных ценностей, уже наработанным народом конкретного потенциала. Все это может отвечать достижению: 1) устойчивости, выражающей способность имеющихся в регионах ресурсов обеспечивать приоритеты перспективного развития территорий; 2) легитимности, выражающей значение гражданского порядка; 3) результативности, выражающей полноту реализации личных и общественных интересов.

В современном формате необходимо с инновационных позиций вырабатывать и реализовывать в регионах деятельностьную концепцию взаимодействия власти с гражданским, экспертным, научно-образовательным сообществом и трансформировать данный опыт в информационном сегменте.

Поскольку современное государственное развитие является сложным социальным и политико-правовым процессом, только диалектическая взаимосвязь теоретического и практического начал, продуманность новаций и последовательность проводимых модернизаций смогут дать необходимые для регионального развития качество и стабильность результатов при возрастающей поддержке со стороны общества.

Список использованной литературы

1. Иванов В.Н. Новая цивилизация XXI века: технологии становления. М. : Знание : Муниципальный мир, 2005. 295 с.
2. Римашевская Н.М. Качество человеческого потенциала в современной России // Безопасность Евразии. 2004. № 1 (15). С. 14–32.
3. Конституционные принципы в отраслевом законодательстве: вопросы гармонизации : моногр. Брянск : Изд-во Брянск. филиала РАНХиГС, 2019. 204 с.

References

1. Ivanov V.N. *Novaya civilizaciya XXI veka: tekhnologii stanovleniya* [New Civilization of the XXI Century: Technologies for Development]. Moscow, Znanie Publ., Municipal'nyj mir Publ., 2005. 295 p.

2. Rimashevskaya N.M. The Quality of Human Potential in Today's Russia. *Bezopasnost' Evrazii = Safety of Eurasia*, 2004, no. 1 (15), pp. 14–32. (In Russian).

3. *Konstitucionnye principy v otraslevom zakonodatel'stve: voprosy garmozizatsii* [Constitutional Principles in Sectoral Legislation: Issues of Harmonization]. Bryansk, Bryansk Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation Publ., 2019. 204 p.

Информация об авторе

Фролова Наталья Алексеевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой торгового права и основ внешней экономической деятельности Дипломатической академии МИД России, г. Москва;
e-mail: frolova.rags@yandex.ru

Information about the Author

Frolova Natalia Alekseevna – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Trade Law and Basics of Foreign Economic Activity, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow;
e-mail: frolova.rags@yandex.ru

Для цитирования

Фролова Н.А. Региональные приоритеты в условиях современного конституционного реформирования и национальных целей развития // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2021. № 1. С. 21–27. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.9.3.

For citation

Frolova N.A. Regional Priorities in the Context of Modern Constitutional Reform and National Development Goals. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2021, no. 1, pp. 21–27. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.9.3. (In Russian).

УДК 342.8

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.9.4

Л. Р. Шаймухаметова

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНСТИТУТА ОТСТРАНЕНИЯ ЧЛЕНА УЧАСТКОВОЙ КОМИССИИ ОТ УЧАСТИЯ В ЕЕ РАБОТЕ

Дата поступления 18 марта 2021 г.

В статье исследованы практические проблемы применения меры конституционной ответственности в виде отстранения члена участковой избирательной комиссии от участия в ее работе. Проанализированы изменения законодательства по вопросу отстранения члена комиссии, рассмотрены наиболее распространенные основания, по которым суды отстраняют указанных субъектов от работы, и практические аспекты такого отстранения. Сформулированы предложения по изменению законодательства о выборах и референдумах, которые автор считает необходимым внести.

Ключевые слова и фразы: избирательное законодательство; конституционная ответственность; деликт; член участковой избирательной комиссии; отстранение от работы.

L. R. Shaimukhametova

PRACTICAL ASPECTS OF THE INSTITUTION OF SUSPENSION FROM WORK THE MEMBER OF THE ELECTORAL COMMISSIONS

The article examines practical problems of the application of such a measure as constitutional liability in the form of the suspension of a member of the precinct electoral commission from participation in the work of the commission. Changes in the law on the question of the suspension a members of the commission were analysed, and the most common grounds on which the courts suspend such members and the practical aspects of such dismissal were given. The author formulated the proposals on changes in legislation on elections and referendums.

Keywords and phrases: electoral legislation; constitutional responsibility; tort; member of the precinct election commission; suspension from work.

Избирательное законодательство стабильно развивается, о чем свидетельствуют частые изменения, вносимые в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – ФЗ № 67), который с марта 2021 г. действует уже в 97-й редакции.

Цель статьи не в оценке изменений избирательного законодательства вообще, нас интересуют изменения, касающиеся порядка отстранения члена участковой комиссии от участия в ее работе. Этот порядок был принципиально изменен Федеральным законом от 15 февраля 2016 г. № 29-ФЗ. В первоначальной редакции Закона № 67-ФЗ и до указанных изменений член участковой комиссии немедленно отстранялся от участия в ее работе на основании мотивированного письменного решения участковой комиссии, исполнение которого поручалось правоохранительным органам. С вступлением в силу изменений «административный» порядок отстранения стал невозможным, был введен судебный порядок. Теперь член участковой комиссии может быть отстранен от участия в ее работе только на основании судебного акта, исполнение которого обеспечивают правоохранительные органы.

Данное нововведение вызывало теоретические и практические вопросы. Постараемся их раскрыть.

Законом № 67-ФЗ установлено, что причиной отстранения члена участковой комиссии (причем как с правом решающего, так и с правом совещательного голоса) от участия в ее работе является нарушение законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах. Право избирательной комиссии обратиться в суд с административным иском заявлением об отстранении предусмотрено ч. 5 ст. 239 КАС РФ.

Отстранение члена участковой избирательной комиссии от участия в ее работе – это мера конституционной ответственности, что следует из его правового статуса. Институт отстранения направлен на ограничение соответствующего избирательно-правового статуса члена комиссии.

Безусловно, данная мера ответственности не подменяет собой административную либо уголовную ответственность, которые предусмотрены соответствующими кодифицированными актами, поэтому довольно остро стоит вопрос о двойном привлечении к ответственности за один и тот же деликт в свете автономности данных мер ответственности.

Анализ судебной практики позволил выявить нарушения, за которые член участковой избирательной комиссии может быть отстранен от работы в ней:

- выдача членом участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса избирательного бюллетеня дважды одному и тому же лицу;
- фото-, видеосъемка списка избирателей;
- распространение в сети Интернет персональных данных избирателей;

- создание помех участию избирателей в голосовании;
- неисполнение возложенных обязанностей (отказ выезжать для организации голосования вне помещения для голосования);
- дискредитация работы участковой комиссии (дача указаний избирателю о порче бюллетеня) и пр.

Среди изученных судебных актов наиболее примечательно решение Орджоникидзевского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 1 июля 2020 г. по делу № 2А-2320/2020, оставленное в силе Верховным Судом Республики Башкортостан.

Судом рассматривался вопрос об отстранении члена участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса в период подготовки и проведения общероссийского голосования. Административным истцом указано, что в период работы участковой комиссии ответчик уклонялся от исполнения возложенных на него обязанностей, не являлся в участковую комиссию, о причинах своего отсутствия не сообщал. Такое бездействие было расценено судом как пассивное поведение, выражающееся в уклонении от исполнения публичных обязанностей, справедливой санкцией за которое является отстранение от работы в комиссии. Нетипичность данного дела заключается в том, что, во-первых, нарушения были допущены в ходе «неклассических» выборов; во-вторых, не непосредственно в день голосования, а в дни работы участковой избирательной комиссии.

Изученные судебные акты имеют ряд характерных черт: в качестве доказательств административными истцами представляются акты фиксации нарушений избирательного законодательства, составленные членами комиссии; административные ответчики зачастую не обеспечивают свою явку на заседание, не представляют контрдоказательства и пр.

Изменение «административного» порядка на «судебный», безусловно, усложнило процесс отстранения члена участковой избирательной комиссии от работы. Законодатель предпринял попытку исключения произвола в отношении членов комиссии. Однако следует иметь в виду, что институт отстранения применяется только при нарушении избирательного законодательства, соответственно, не к любому члену комиссии применяется данная мера, а только к тем, кто своими действиями (бездействием) препятствует нормальной работе комиссии.

Пунктом 12 ст. 64 ФЗ № 67 не предусмотрено физическое удаление члена избирательной комиссии с избирательного участка, норма закона напрямую связана лишь с лишением возможности осуществления функций в рамках работы самой комиссии. Поскольку круг лиц, имеющих право находиться в помещении для голосования, обозначен ФЗ № 67, член участковой

избирательной комиссии после вынесения судом решения о его отстранении удаляется с избирательного участка.

Мы хотим обратить внимание на неоднозначность положений об отстранении члена участковой избирательной комиссии, которые на практике толкуются как удаление из помещения для голосования, хотя фактически данная возможность не закреплена. Только исходя из системного толкования норм избирательного законодательства можно сделать вывод об отсутствии права у члена участковой избирательной комиссии, отстраненного от работы, присутствовать в помещении для голосования. В связи с изложенным необходимым видится закрепление в законе следующего положения: «Член участковой комиссии немедленно отстраняется от участия в ее работе с последующим удалением из помещения для голосования, если его действия (бездействие) нарушают законодательство Российской Федерации о выборах и референдумах...».

Информация об авторе

*Шаймухаметова Лиана Рафисовна – ассистент кафедры государственного права Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа;
e-mail: shaim-liana1@yandex.ru*

Information about the Author

*Shaimukhametova Liana Rafisovna – Teaching Assistant of the Chair of State Law, Institute of Law, Bashkir State University, Ufa;
e-mail: shaim-liana1@yandex.ru*

Для цитирования

Шаймухаметова Л.Р. Практические аспекты института отстранения члена участковой комиссии от участия в ее работе // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2021. № 1. С. 28–31. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.9.4.

For citation

Shaimukhametova L.R. Practical Aspects of the Institution of Suspension from Work the Member of the Electoral Commissions. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2021, no. 1, pp. 28–31. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.9.4. (In Russian).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.2

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.9.5

А. С. Ахмадуллин

ПРЕСТУПЛЕНИЕ КАК КАТЕГОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Дата поступления 15 января 2021 г.

В статье рассматривается преступность как нормальное явление, как неизменный атрибут любого развитого общества, причины которого кроются в самой природе человека.

Ключевые слова и фразы: преступность; причины преступности; уголовная политика; статистика преступлений; учет преступлений.

A. S. Akhmadullin

CRIME AS A CATEGORY OF PHILOSOPHY

The article considers the crime, as a normal phenomenon, as a permanent attribute of any developed society that causes lie in human nature itself.

Keywords and phrases: crime; causes of crime; criminal policy; crime statistics; crime accounting.

Большинство людей, даже не имея юридического образования, ответят на вопрос о том, что такое преступление. Не зная уголовного закона, они объяснят, что под преступлением следует понимать противозаконные действия, в результате которых были причинены увечья другому человеку или даже наступила его смерть, повреждено или украдено чужое имущество и т. д. То есть под преступлением понимают некое зло, вред, ущерб, причиняемый одним человеком другому. Формирует данную точку зрения окружение: семья, школа, друзья, трудовой коллектив, средства массовой информации.

Один из принципов римского права гласит: *ignorantia juris non excusat* (незнание закона не освобождает от наказания). С одной стороны, это один из признаков нормы права, обеспечивающий безусловное выполнение ее

требований и подчинение ей граждан. С другой стороны, государством предполагается, что взрослый здравомыслящий человек, живущий в обществе, даже не зная закон, должен понимать, какие действия могут являться преступлением с последующим наказанием за их совершение. Что же касается юридического определения, то согласно ч. 1 ст. 14 УК РФ преступление – это виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное этим Кодексом под угрозой наказания.

Изучением первопричин преступления и преступности занимается философия. Она выходит за пределы социума, объясняя причины преступлений первоначальной природой бытия. Философский подход к проблеме преступления предполагает такой метод познания, основанный на использовании парадоксов и противоречий между одинаково доказуемыми суждениями, как антиномизм. В аспекте рассматриваемого вопроса интерес представляют онтологическая и антропологическая антиномии. Первая сводится к сопоставлению двух утверждений: «в миропорядке отсутствуют онтологические основания для преступлений (тезис) – в миропорядке имеются онтологические основания для преступлений (антитезис)». Данная антиномия предполагает существование определенного порядка вещей, сплетение разных обстоятельств естественного и социального характера, складывающихся как по желанию, так и помимо воли людей, способствующих или препятствующих совершению преступлений.

Антропологическая антиномия констатирует: «антропологические свойства, толкающие человека к преступлениям, неискоренимы (тезис) – антропологические свойства, толкающие человека к преступлениям, будут изжиты в будущем (антитезис)», то есть констатируется то непереложное обстоятельство, что человек, наделенный огромной жизненной энергией, способен как созидать, так и разрушать, поскольку ему неизвестно сознание и ощущение границ и пределов приложения собственных сил [1, с. 448–449].

Как видно, антиномии содержат взаимоисключающие тезисы, ни один из которых нельзя считать истинным или ложным. Эти противоположные тезисы взаимообусловлены, поскольку не существуют друг без друга, определяются как противоположности друг друга, переходят друг в друга, составляя в целом предмет философии права.

Таким образом, с одной стороны, преступление является продуктом личных свойств человека, с другой – результатом влияния общественных условий, в которых находился преступник [2, с. 6].

Совокупность всех преступлений называется преступностью. Преступность нарушает порядок, установленный государством, поэтому в целях самосохранения цивилизация вынуждена создавать нормативные средства для борьбы с ней.

Из курса физики известно, что при движении одного тела по поверхности другого возникает сила, направленная прямо противоположно движению тела. Согласно математике существует точка покоя, в которой векторное поле равно нулю. В окружающей природной среде любое физическое тело стремится к состоянию покоя, равновесию, то есть к равенству направленных на него противоположных сил. Также и в обществе и в государстве: разнонаправленным силам, порожденным экономическими, политическими, социальными и духовными условиями существования отдельных личностей и социальных групп, действующим в определенном направлении, противодействуют другие силы, действующие в противоположном направлении. Чем сильнее действие одних сил, тем сильнее противодействие других.

Стабилизация, упорядочивание общественных отношений нормами права зачастую влечет появление «антинорм» – противодействия. Этому в немалой степени способствует и прогресс, не только позволяющий человеческой натуре раскрыться, но и создающий предпосылки для проявления деструктивных наклонностей. Жизнь человека – это всегда внутренний выбор между соблюдением нормативных требований, что предполагает гораздо больше усилий, и движением в противоположном направлении, особых усилий не предполагающем.

Если же рассматривать человека исключительно как биологический вид (отряд приматов, класс млекопитающих, царство животных), животное, то ни умышленное причинение им смерти другому человеку, ни завладение его имуществом и другие подобные деяния не будут являться преступлениями. Более того, человек будет поступать по законам не государства, а природы, где выживает сильнейшее, наиболее приспособленное к окружающей среде животное [3, р. 91–92]. Конечно, в таком случае это существо нельзя будет назвать человеком.

Если это существо рассматривать внутри социальной группы, то есть как *homo publicae* (человек общественный), то такие действия внутри этой группы в отношении «своих» будут считаться опасными, то есть преступлениями, потому что между членами группы будет некая договоренность об этом. Эти же действия не будут порицаться в этой группе, а возможно даже, будут поощряться, если они будут совершены в отношении членов другой группы, то есть в отношении «чужих», в том случае, если между этими группами нет соответствующего договора.

Чем выше у отдельного вида животного развито мышление, способность к обучению и коммуникации, то есть интеллект, тем менее физически он приспособлен к выживанию в одиночку в окружающей природе и тем больше он нуждается в общении с себе подобными. Ранние люди, не способные выжить в одиночку, инстинктивно объединялись в группы.

Таким образом, человек – это существо общественное, субъект общественно-исторической деятельности и культуры [4, с. 1447], связанный с себе подобными определенными условиями сосуществования. Вместе с тем, как писал Аристотель, человек хоть и политическое существо, но все же по природе своей животное, в котором присутствуют два начала: большее – биологическое (инстинкты, направленные на удовлетворение важнейших биологических потребностей), и меньшее – общественное (добродетель, справедливость, долг перед обществом и т. д.).

Как уже было отмечено, преступность – это результат взаимодействия личности и общества. Причины преступности делятся на субъективные и объективные. К первым следует отнести отрицательные качества личности (агрессивность, вождение, глупость, жадность, зависть, непослушание, непорядочность, эгоизм и др.). Они формируются под воздействием неблагоприятной социальной среды (в том числе неправильного воспитания и ошибок в воспитании) и (или) под влиянием неудовлетворительных материальных условий жизни на личность с недостаточными волевыми качествами им сопротивляться. Отрицательные качества личности приводят к рассогласованию поведения человека с социальной средой, расхождению ценностной ориентации личности с общепризнанными нормами морали и нравственности [5, с. 43], но лишь только тогда, когда у человека недостаточно волевых качеств им сопротивляться. В данном случае под волей мы понимаем осознанную способность человека руководить своими действиями, сопротивляться соблазнам, преодолевать препятствия и сложности, которая формируется чертами личности, обеспечивающими преодоление трудностей (целеустремленность, решительность и т. д.), и чертами личности, регулирующими поведение (дисциплинированность, почитание правовых норм и т. д.).

Субъективные причины преступности определяют применение индивидуальных воспитательных мер и мер наказания к лицу, совершившему преступление.

К объективным причинам преступности следует отнести политическую нестабильность, социальные противоречия и экономические кризисы.

Принято считать, что в Российской Федерации неравенство между гражданами, расслоение на богатых и бедных возникло в конце прошлого века, когда изменился политический курс, произошла приватизация государственной собственности, поменялись культурные ориентиры. Под видом предоставленных гражданам политических, экономических и идеологических свобод произошло их разграбление и ослабление государства. И если французский политик Ф. Гизо призывал обогащаться через просвещение, укрепление государственных и общественных институтов, то в России периода 1990-х годов его формула была упрощена до простого: «Обогащайтесь!»

(любыми способами), что привело к росту преступности. Так, в 1988 г. в стране было зарегистрировано 1 млн 220 тыс. преступлений, а через 10 лет – свыше 3 млн преступлений [6, с. 162].

Недостаточный уровень зарплат и социальных пособий (что делает невозможным какое-то накопление средств), безработица, неприспособленность к жизни в современной России и отсутствие склонностей к предпринимательству, плохое образование и низкая профессиональная квалификация только увеличивают количество бедных людей. Расслоение на богатых и бедных ведет к социальной напряженности: имеющие деньги могут позволить себе удовлетворение всех материальных потребностей, лучшее образование, медицинское обслуживание и лучшие прочие экономические и социальные блага. Рост социальной напряженности, коррупции как спутницы обогащения, неспособность государства защитить своих граждан от нарушений их прав, обеспечить им удовлетворительные условия жизни вызывают недовольство государством. Наличие объективных причин преступности требует от государства существенных изменений в социальной обстановке, направленных на их устранение.

Человек биологический совершает деяние (преступление), если другому не может удовлетворить возникшие потребности. Человек общественный воздерживается от совершения преступления, поскольку считает такое поведение аморальным, противозаконным. И все же большинство людей, какими бы они ни были добродетельными и законопослушными, не останутся перед совершением преступления, если от удовлетворения потребности будет напрямую зависеть их жизнь или жизнь их семей. Законопослушность уступит место инстинктам.

Хорошее, правильное, доброе поведение так же присуще человеку, как и плохое, неправильное и злое. Оценка деяний, причиняющих вред интересам других лиц, осуждение таких деяний возникли с появлением первых объединений людей. Деление этих деяний по степени опасности для общества и наказание за их совершение со стороны общества, то есть их регулирование, явилось одним из признаков возникновения государства. В последующем материальный признак (общественная опасность) таких деяний был дополнен формальным (закон), письменно запрещающим их совершение под страхом наказания.

Как склонность к совершению преступлений и законопослушность присущи человеку, так и преступность и закон являются постоянными спутниками государства. «Где нет закона, нет и преступления» [7, с. 643]. Или: где есть закон, есть и преступление. Государство определяет, что считать преступлением, а что нет. Как некоторые отдельные преступления, так и преступность в целом направлены на разрушение государства, так как посягают

на наиболее важные, государствообразующие отношения. Без отношений, обеспечивающих права на жизнь, собственность, общественную безопасность, мирное сосуществование народов и др., невозможно государство.

Но всегда ли наличие такого социального явления, как преступность, плохо? В определенном смысле преступность является индикатором состояния общества. Она свидетельствует о наличии социальных проблем. Государство, опираясь на полные, достоверные и своевременно полученные сведения о преступности, должно проводить соответствующую уголовную, социальную, экономическую политику, направленную на улучшение жизни своих граждан, на снижение преступности. Преступность, как повышение температуры тела у человека, показывает, что есть болезнь, которую необходимо лечить. Причем не просто сбивать температуру, а искать и устранять ее причины. Кроме того, преступность как антагонизм законопослушности ориентирует людей на ведение добропорядочного и праведного образа жизни, она «способствует тому, что большинство граждан еще более утверждают в собственных добродетелях, моральных стандартах» [8, с. 26].

Преступность как совокупность преступлений отражается в уголовной статистике за определенный период и на определенной территории. Уголовная статистика располагает целым рядом показателей, характеризующих работу государственных органов, начиная от регистрации сообщений о преступлениях и до принятия окончательных решений по уголовным делам.

Преступления в статистике России учитываются по разным признакам: как тяжкие и особо тяжкие, общеуголовной и экономической направленности, совершенные несовершеннолетними, в общественных местах и т. д. Ранее судимыми совершается примерно 30 % всех преступлений, а в состоянии опьянения – 35 % всех преступлений. Кражи составляют 35–40 % всех преступлений, а преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, – 10 %. Одни преступления могут влечь совершение других, более тяжких преступлений. Например, угроза убийством, умышленное причинение легкого вреда здоровью или побои при отсутствии должного реагирования со стороны государства могут привести к совершению убийств и причинению тяжкого вреда здоровью человека. В этом смысле преступность как явление способно порождать и развивать саму себя. Снижение числа зарегистрированных преступлений в России, например в 2017 г., было вызвано в значительной степени снижением числа краж и побоев. Причина заключалась в изменении законодательства: хищение имущества стоимостью не более двух тысяч пятисот рублей, при отсутствии признаков квалифицированных составов преступлений, признано мелким, влекущим административное взыскание, что привело к декриминализации значительного числа краж. Изменения в диспозиции ст. 116 УК РФ

также привели к уменьшению числа регистрации побоев. Так, Федеральным законом от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ из диспозиции нормы в качестве потерпевших исключены близкие родственники, а преступлением стали считаться только насильственные действия, совершенные из хулиганских побуждений, а равно по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Таким образом, преступность – это социально-правовое явление, выступающее одним из признаков государства, отражаемое в статистической отчетности, представляющее собой взаимосвязанную и взаимообусловленную систему всех преступлений, совершенных на определенной территории и за определенное время.

Список использованной литературы

1. Бачинин В.А. Философия права и преступления. Харьков : Фолио, 1999. 607 с.
2. Лист Ф. фон. Преступление как социально-патологическое явление : доклад, читанный в Дрездене. СПб. : Изд. юр. книжного магазина Н.К. Мартынова, 1900. 17 с.
3. Darwin C.R. On the origin of species by means of natural selection, or the preservation of favored races in the struggle for life. Chapter IV. 5th ed. L. : John Murray, 1869. 458 с.
4. Советский энциклопедический словарь. 4-е изд., испр. и доп. М. : Советская энциклопедия, 1986. 1633 с.
5. Савельева О.Ю. Криминология : электронное учеб.-метод. пособие. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2019. 236 с.
6. Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2005. 912 с.
7. Новый Завет. Анахайм : Живой поток, 1998. 352 с.
8. Бурлаков В.Н. и др. Криминология : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2016. 422 с.

References

1. Bachinin V.A. *Filosofiya prava i prestupleniya* [Philosophy of Law and Crime]. Kharkiv, Folio Publ., 1999. 607 p.
2. List F. *Prestuplenie kak social'no-patologicheskoe yavlenie* [Crime as a Socio-Pathological Phenomenon]. St. Petersburg, N.K. Martynov Publ., 1900. 17 p.

3. Darwin C.R. On the Origin of Species by Means of Natural Selection, or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life. Chapter IV. 5th ed. London, John Murray Publ., 1869. 458 c.

4. *Sovetskij enciklopedicheskij slovar'* [Soviet Encyclopedic Dictionary]. 4th ed. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1986. 1633 p.

5. Savelyeva O.YU. *Kriminologiya* [Criminology]. Togliatti, Togliatti State University Publ., 2019. 236 p.

6. A.I. Dolgova (ed.). *Kriminologiya* [Criminology]. 3rd ed. Moscow, Norma Publ., 2005. 912 p.

7. *Novyj Zavet* [New Testament]. Anaheim, Live Stream Publ., 1998. 352 p.

8. Burlakov V.N. and etc. *Kriminologiya* [Criminology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2016. 422 p.

Информация об авторе

Ахмадуллин Азат Саяфович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа;
e-mail: ahelza@yandex.ru

Information about the Author

Akhmadullin Azat Sayafovich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure, Institute of Law, Bashkir State University, Ufa;
e-mail: ahelza@yandex.ru

Для цитирования

Ахмадуллин А.С. Преступление как категория философии // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2021. № 1. С. 32–39. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.9.5.

For citation

Akhmadullin A.S. Crime as a Category of Philosophy. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2021, no. 1, pp. 32–39. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.9.5. (In Russian).

УДК 343.2

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.9.6

А. Л. Бредихин

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Дата поступления 24 февраля 2021 г.

В статье рассматривается вопрос о понятии объекта преступления. Отмечается, что впервые данный вопрос начал широко разрабатываться еще в советской юриспруденции. Автор приводит различные точки зрения современных исследователей на понятие объекта преступления и дает собственное определение.

Ключевые слова и фразы: преступление; объект преступления; общественные отношения; государственные интересы; Уголовный кодекс.

A. L. Bredikhin

ON THE NOTION OF THE OBJECT OF CRIME

In this article, the author examines the issue of the concept of the object of a crime. He notes that for the first time this issue began to be widely developed in Soviet jurisprudence, which had a great impact on the object of the crime. The author gives various points of view on the concept of the object of a crime of modern researchers and gives his own definition.

Keywords and phrases: crime; object of crime; public relations; state interests; criminal code.

Категория «объект преступления» является дискуссионным в науке уголовного права. И хотя, на первый взгляд, предмета для дискуссии нет, к согласию в этом вопросе ученые до сих пор не пришли.

Вопрос об объекте преступления сугубо теоретический, и вряд ли он может оказать влияние на реализацию принципов уголовного права. Большее значение названная категория имеет для правоведения в целом, так как юридическая ответственность во всех своих проявлениях зиждется на уголовно-правовой модели. Кроме того, в курсе теории государства и права

раздел, посвященный правонарушению, по сути, является проекцией уголовно-правового учения.

Нужно отметить, что споры относительно понимания объекта преступления возникли в советской юриспруденции (в то время споры с так называемыми «буржуазными» порядками занимали центральное место в научных трудах советских ученых), в дореволюционной российской науке этот вопрос затрагивался не так часто. Так, Н.С. Таганцев в качестве объекта преступления называл юридическую норму в ее реальном бытии, а причинение вреда рассматривал только как средство преступления, а не его сущность [1, с. 47]. Такого же мнения придерживался и В.М. Хвостов, считавший, что преступление направлено против права, оно подрывает авторитет права и государства, поэтому имеет общественный характер [2, с. 138]. В целом досоветская правовая наука в этом вопросе опиралась по большей части на нормативизм и рассматривала объект правонарушения как посягательство на норму права (государственное установление).

С развитием советского государства и права, а также с развитием советской юриспруденции интерес к объекту преступления возрос, так как преступлением затрагиваются не только сугубо правовые, но и политические аспекты. Советская юриспруденция критиковала понятия объекта преступления в буржуазных странах и царской России за отсутствие упоминания о классовом характере государства. Кроме того, если учитывать особый характер советского государства и его идеологических основ, признание того, что преступление посягает на государством установленные нормы, было невозможным. Советское государство стремилось через социализм прийти к коммунизму, соответственно, понятие объекта преступления должно было быть актуальным на любом этапе этого пути. Впрочем, нужно сделать поправку на то, что советские ученые определяли объект преступления только для государства, которое строили, то есть для социалистического.

Постепенно в советском уголовном праве начала формироваться концепция общественных отношений как объекта правонарушения. И теория права, и уголовное законодательство того периода были в этом вопросе едины. Так, уже в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР» (1919) под преступлением понималось действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений (ст. 6), а необходимость наказания (ст. 7) обосновывалась тем, что власть охраняет общественные отношения от нарушителей. Видимо, сущность советского государства не позволяла признать, что преступление воздействует на государственный порядок, так как власть признавалась общественной по своей сути.

По большому счету, «юридическая норма в ее реальном бытии», по Н.С. Таганцеву, по своей сути означает то же, что и общественные отношения

в советской интерпретации, а именно наличие определенного нормативного порядка – государственного или общественного. Нужно оговориться, что речь идет об абстрактном понятии объекта преступления. Конкретные объекты (или непосредственные объекты, предметы) преступления должны определяться на основе общего понятия и не могут противоречить ему.

Существует концепция, согласно которой объектами преступления выступают блага, предметы материального мира, права и т. п., которым причиняется вред. Однако еще советский ученый Н.И. Коржанский отмечал, что «преступление всегда направлено на изменение общественных отношений» [3, с. 19]. Он считал, что «поскольку собственность в марксистском понимании – это отношение между людьми по поводу их отношения к вещам, имуществу, являющимся свойствами, сторонами общественных отношений, то социалистическое имущество является предметом посягательств на социалистическую собственность, а не объектом этих преступлений» [3, с. 22].

Н.И. Коржанский дал следующее определение понятия «объект преступления»: «обеспеченная социалистическим обществом субъектам социалистических общественных отношений возможность соответствующего интересам социалистического общества поведения его членов, групп, классов или их состояния» [3, с. 43]. То есть не сами общественные отношения, а обеспеченные права участников этих общественных отношений являются объектом преступного посягательства. Впрочем, обеспеченная возможность поведения членов социалистического общества – это тоже в некотором роде нормативный порядок.

УК РСФСР 1960 г., действовавший до принятия УК РФ 1996 г., в ст. 7 содержал определение преступления, которое, на наш взгляд, не вполне соответствовало пониманию объекта преступления как общественных отношений. Под преступлением советский законодатель понимал общественно опасное деяние (действие или бездействие), которое посягает на советский общественный или государственный строй, социалистическую систему хозяйства, социалистическую собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права граждан, а равно иное, посягающее на социалистический правопорядок общественно опасное деяние. То есть в статье просто перечислены конкретные предметы (непосредственные объекты) преступления. Интересна в этом определении фраза «...а равно иное, посягающее на социалистический правопорядок общественно опасное деяние», из которой мы можем сделать вывод, что любые преступления посягают на «социалистический правопорядок», а не на общественные отношения.

УК РФ не дает четкого понимания, что же является объектом преступления. В ст. 2 УК РФ перечислены объекты защиты, в числе которых общественные отношения не упоминаются. В определении преступления, данном в

ст. 14 УК РФ, под которым понимается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное под угрозой наказания, также не делается акцент на общественных отношениях, из чего можно сделать вывод о том, что законодатель не связывает преступление с нарушением общественных отношений, а называет конкретные блага или ценности, подлежащие защите.

Тем временем дискуссия относительно понятия объекта преступления в науке продолжается. Под объектом преступления понимают и блага человека, для обеспечения сохранности которых существует уголовный закон [4, с. 9], и социальную безопасность (то есть состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства), за посягательство на которую предусмотрена уголовная ответственность [5, с. 31], и «охраняемые уголовным законом общественные отношения, которым преступлением причиняется вред или создается непосредственная угроза причинения вреда» [6, с. 121] и т. д. В.Н. Винокуров указывает, что «отказ от теории концепции общественных отношений как объекта преступления необоснован» [7, с. 119].

Таким образом, об объекте преступления единой позиции на сегодняшний момент не сложилось. Возможно, потому, что УК РФ не решил этот вопрос и оставил специалистам в сфере уголовного права значительный простор для дискуссий. Между тем для формирования понятия объекта преступления считаем необходимым несколько расширить рамки исследования и рассмотреть вопрос на общетеоретическом уровне.

В первую очередь нужно отметить, что уголовный закон устанавливает наказание за нарушение каких-либо запретов. Например, за лишение человека жизни, необоснованное лишение собственности (хищения в любой форме), нарушение порядка в экономической сфере и т. п. В таком же ключе можно рассматривать и законодательство об административных правонарушениях, которое функционирует по тем же принципам и законам, что и уголовный закон. Разграничение уголовного и административного права проводится по четким критериям, но объект преступлений и правонарушений один – установленный государством правопорядок.

Государство обладает монополией на установление императивных норм, и там, где они нарушаются, у государства есть основание применить меры негативного воздействия на нарушителя. Из этого нужно сделать вывод, что любое преступление (как и правонарушение) посягает на установленный государством нормативный порядок, а также на государственный интерес. Под государственным интересом следует понимать желаемое для государства состояние тех сфер жизни, которые требуют отдельного внимания, но не могут (не должны) поддаваться императивному нормативному регулированию.

Если проанализировать Особенную часть УК РФ, то можно вычлениить эти направления посягательств. Например, кража (ст. 158 УК РФ) посягает на правопорядок в части защиты прав собственности, установленных Конституцией РФ и гражданским законодательством. С защитой государственного интереса связана, например, ст. 354.1. «Реабилитация нацизма», которой защищается в том числе государственный интерес на уважительное отношение к истории страны.

На основании изложенного мы предлагаем следующее определение объекта преступления: объект преступления – установленный государством нормативный порядок, а также государственные интересы, которые подлежат особой защите под угрозой уголовного наказания.

Определение объекта преступления через общественные отношения было свойственно для советского правоведения, для которого идеологически важно было обозначить общественный характер власти в части установления обязательных норм, на основании которых и возникали общественные (правовые) отношения. Общественные отношения, возникающие на основании неправовых социальных норм, далеко не всегда подлежат государственной защите (например, исполнение некоторых религиозных ритуалов или местных обычаев). Поэтому те общественные отношения, которые имеют в виду приверженцы советской школы уголовного права, по своей сути тоже нормативные, а значит, не вполне общественные.

Список использованной литературы

1. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая : лекции : [в 2 т.]. СПб., 1902. Т. 1. 823 с.
2. Хвостов В.М. Общая теория права. Элементарный очерк. М., 1914. 147 с.
3. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М. : Акад. МВД СССР, 1980. 248 с.
4. Векленко С.В., Семченков И.П. О необходимости совершенствования понятия «объект преступления» // Вестник Калининградск. филиала Санкт-Петербургск. ун-та МВД России. 2018. № 2. С. 7–10.
5. Зателепин О. К вопросу о понятии объекта преступления в уголовном праве // Уголовное право. 2003. № 1. С. 29–31.
6. Уголовное право. Общая часть : учебник. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М. : Юридическая фирма «Контракт» : ИНФРА-М, 2008. 800 с.
7. Винокуров В.Н. Общественные отношения как объект преступления: за и против // Государство и право. 2010. № 1. С. 116–119.

References

1. Tagantsev N.S. *Russkoe ugovnoe pravo. CHast' obshchaya* [Russian Criminal Law. General part]. St. Petersburg, 1902, vol. 1. 823 p.
2. Khvostov V.M. *Obshchaya teoriya prava. Elementarnyj ocherk* [General Theory of Law]. Moscow, 1914. 147 p.
3. Korzhansky N.I. *Ob"ekt i predmet ugovno-pravovoj ohrany* [Object and Subject of Criminal Law Protection]. Moscow, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1980. 248 p.
4. Veklenko S.V., Semchenkov I.P. On the Need to Improve the Concept of «Object of Crime». *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 2, pp. 7–10. (In Russian).
5. Zatepin O. To the Question of the Concept of the Object of a Crime in Criminal Law. *Ugovnoe pravo = Criminal law*, 2003, no. 1, pp. 29–31. (In Russian).
6. Inogamova-Khegai L.V., Rarog A.I., Chuchaev A.I. (eds.). *Ugovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Criminal law. General part]. 2nd ed. Moscow, Law Firm «Kontrakt» Publ., INFRA-M Publ., 2008. 800 p.
7. Vinokurov V.N. Social Relations as the Object of the Crime: the Pros and Cons. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2010, no. 1, pp. 116–119. (In Russian).

Информация об авторе

Бредихин Алексей Леонидович –
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
математики и информатики
Санкт-Петербургского университета
Министерства внутренних дел
России, г. Санкт-Петербург;
e-mail: axel_b@mail.ru

Information about the Author

Bredikhin Alexey Leonidovich –
Candidate of Sciences (Law), Senior
Instructor of the Chair of Mathematics
and Informatics, Saint Petersburg
University of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation,
Saint Petersburg;
e-mail: axel_b@mail.ru

Для цитирования

Бредихин А.Л. К вопросу о понятии
объекта преступления // Вестник
Института права Башкирского госу-
дарственного университета. 2021. №
1. С. 40–45. DOI 10.33184/vest-law-
bsu-2021.9.6.

For citation

Bredikhin A.L. On the Notion of the Ob-
ject of Crime. *Vestnik Instituta prava
Bashkirskogo gosudarstvennogo univer-
siteta = Bulletin of the Institute of Law of
the Bashkir State Uiversity*, 2021, no. 1,
pp. 40–45. DOI 10.33184/vest-law-bsu-
2021.9.6. (In Russian).

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.1

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.9.7

О. В. Корнелюк

ИНСТИТУТ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И ТЕНДЕНЦИИ ЕГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ

Дата поступления 15 января 2021 г.

В статье рассматриваются особенности участия присяжных в уголовном судопроизводстве в ряде зарубежных государств англосаксонской правовой системы, а также особенности судебного производства с участием различных видов судов присяжных в странах континентальной Европы. Отмечаются проблемы эффективности суда присяжных в нашей стране.

Ключевые слова и фразы: правосудие; суд присяжных; суд шеффенов; судебная власть; судебная система; состязательность; законность; справедливость; правосознание.

O. V. Kornelyuk

INSTITUTE OF JURY CRIMINAL CASES: FOREIGN EXPERIENCE TRENDS IN ITS DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article deals with the particular features of jury participation in criminal proceedings in a number of foreign States of the Anglo-Saxon legal system, as well as the features of judicial proceedings involving various types of jury trials in continental Europe. There are problems with the effectiveness of the jury in our country.

Keywords and phrases: justice; jury trial; court court of lay assessor; judiciary; legal system; adversarial system; legality; fairness.

Действующие международные требования в системе правосудия не указывают на обязательность института присяжных по уголовным делам, а с точки зрения Европейского суда по правам человека этот институт неотъемлем для справедливого рассмотрения дела при предъявлении уголовного обвинения. Кроме того, нельзя отрицать тот факт, что взаимодействие народа и судебной власти только подчеркивает значимость и демократичность ее основ [1, с. 975].

В мире сложились две основные формы реализации права участия граждан в отправлении правосудия – чистая и смешанная. В отечественном законодательстве предусмотрена чистая форма – присяжные выделены в специальную коллегия, основная функция которой – определение виновности или невиновности подсудимого в совершении того, в чем его обвиняют. Напротив, для зарубежных правовых систем характерна смешанная форма, когда в судах функционирует судебная коллегия общего характера, объединяющая и граждан и судей, наделенных равными полномочиями.

В развитых странах суды с участием присяжных успешно функционируют повсеместно, но они имеют свои правовые особенности, исходящие из специфики различных правовых систем. И прежде всего такие особенности ярко выражены в странах англосаксонской правовой системы. Так, в Англии, Австралии, Канаде, Ирландии, Шотландии, США созданы коллегии по делам об особо тяжких преступлениях, в составе которых двенадцать присяжных заседателей.

В странах Европы институт присяжных не выделен в особую категорию. К примеру, в Германии участие граждан предусматривается в специальных судах, именуемых судами шэффенов, включающих в себя как профессиональных судей, так и простых граждан. Все они совместно принимают решения о виновности подсудимых лиц. В Норвегии институт присяжных действует в судах первой и апелляционной инстанции, а в Швейцарии такой суд не нашел особого распространения [2, с. 27].

Как видим, существует разный порядок в работе судов присяжных в странах Европы. В целом, можно констатировать, что в странах англосаксонской правовой системы участие граждан в уголовном процессе отработано на практике более четко и эффективно, нежели в странах континентальной правовой системы [3, с. 33].

В России институт присяжных направлен, прежде всего, на обеспечение состязательности и равного положения субъектов в судебном процессе. Кроме того, наиважнейшей гарантией такого правосудия выступает возможность реализации субъектами обвинения и защиты своих прав по доказыванию.

Следует выделить следующие особенности исследуемого нами суда. Прежде всего, такой суд, хотя и выносит решения о виновности подсудимых

лиц исходя из позиции граждан-непрофессионалов, в то же время наказание назначается согласно положениям УК РФ. Далее следует подчеркнуть особое значение такого суда – тесное взаимодействие народа и судебной власти с целью установления справедливости правосудия [4, с. 12]. Немаловажной особенностью является и то, что таким образом эффективно реализуется принцип состязательности.

Сразу отметим, что рассматриваемый институт в нашей стране еще не сформировался должным образом, в первую очередь из-за отсутствия эффективного правового регулирования. В качестве второй причины можно назвать незаинтересованность, а, возможно, и боязнь граждан участвовать в уголовном процессе. Также можно выделить несколько проблем, которые возникают при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных. Первая проблема напрямую связана с отсутствием должного уровня правового сознания и образования нашего общества. Это проявляется в ошибочности оценки совокупности доказательственной базы неподготовленными заседателями в ходе рассмотрения уголовного дела. Итог таких ошибок – неправильное вынесение ими приговоров [5, с. 5].

Вторая проблема заключается в том, что граждане не доверяют не только судебной системе, но и государству, а потому в большинстве своем не проявляют желания участвовать в таком суде [6, с. 32]. Поэтому первоочередной задачей является реформирование судебной системы с целью повышения гарантий ее независимости как самостоятельной ветви власти.

Третья проблема заключается в отсутствии у присяжных опыта в правовых вопросах [7, с. 193], как итог – отмена вышестоящей судебной инстанцией вынесенных ими решений.

Четвертая проблема – реальная возможность оказания давления на присяжных заседателей и их финансовый подкуп заинтересованными лицами [8, с. 23].

Рамки статьи позволили нам обозначить лишь основные, наиболее важные вопросы функционирования суда присяжных, бесспорно, их гораздо больше и они требуют дальнейшей серьезной разработки.

Резюмируя изложенное, можно сказать, что необходима дальнейшая модернизация института присяжных с учетом положительного опыта реализации такого правосудия в странах англосаксонской системы права, что, на наш взгляд, укрепит гарантии участников процесса при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных.

Список использованной литературы

1. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М. : Статут, 2016. 1278 с.
2. Купряшина Е.А. Участие граждан в отправлении правосудия в России и зарубежных государствах // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 1. С. 25–28.
3. Багаутдинов Ф.Н., Беляев М.В. Подготовка к новому этапу развития суда присяжных в России // Российская юстиция. 2017. № 1. С. 32–33.
4. Шукюров А.Т. Миссия феномена института присяжных заседателей в России // Теории и проблемы политических исследований. 2012. № 4. С. 10–21.
5. Ищенко Е.П., Ищенко П.П. Так нужен ли в России суд присяжных? // Уголовное судопроизводство. 2007. № 1. С. 3–8.
6. Джабраилов М.А. Состояние и значение суда с участием присяжных заседателей в России // Российский следователь. 2012. № 21. С. 32–33.
7. Батычко В.Т. Современные проблемы осуществления правосудия в России с участием присяжных заседателей // Известия ЮФУ. Технические науки. 2009. № 3 (92). С. 190–194.
8. Грудинин Н.С. Проблемы, возникающие при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей // JUVENIS SCIENTIA. 2018. № 2. С. 21–23.

References

1. Golovko L.V. (ed.). *Kurs ugolovnogo processa* [Course of Criminal Procedure]. Moscow, Statut Publ., 2016. 1278 p.
2. Kupryashina E.A. The Participation of Citizens in the Administration of Justice in Russia and Foreign Countries. *Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti = Problems of Law Enforcement Activity*, 2018, no. 1, pp. 25–28. (In Russian).
3. Bagautdinov F.N., Belyaev M.V. Preparing for a New Stage of Development of Trial by Jury in Russia. *Rossiyskaya yusticiya = Russian Justice*, 2017, no. 1, pp. 32–33. (In Russian).
4. Shukurov A.T. Mission of the Phenomenon of Jury Trials in Russia. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanij = Theories and Problems of Political Studies*, 2012, no. 4, pp. 10–21. (In Russian).
5. Ishchenko E.P., Ishchenko P.P. Does Russia Need a Jury Trial? *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal Judicial Proceeding*, 2007, no. 1, pp. 3–8. (In Russian).
6. Dzhabrailov M.A. State and Significance of a Jury Trial in Russia. *Rossiyskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2012, no. 21, pp. 32–33. (In Russian).

7. Batychko V.T. Modern Problems of Realization of Justice in Russia with Participation of Jurymen. *Izvestiya YUFU. Tekhnicheskie nauki = Izvestiya SFedU. Engineering science*, 2009, no. 3 (92), pp. 190–194. (In Russian).

8. Grudin N.S. Problems Arising in the Process in which of Criminal Cases Are Tried by Jury. *JUVENIS SCIENTIA*, 2018, no. 2, pp. 21–23. (In Russian).

Информация об авторе

Корнелюк Оксана Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа; e-mail: kovufa@yandex.ru

Information about the Author

Kornelyuk Oksana Vladimirovna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure, Institute of Law, Bashkir State University, Ufa; e-mail: kovufa@yandex.ru

Для цитирования

Корнелюк О.В. Институт рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей: зарубежный опыт и тенденции его развития в России // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2021. № 1. С. 46–50. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.9.7.

For citation

Kornelyuk O.V. Institute of Jury Criminal Cases: Foreign Experience Trends in its Development in the Russian Federation. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2021, no. 1, pp. 46–50. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.9.7. (In Russian).

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 341

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.9.8

О. А. Филиппов, З. И. Бикмеева

ЗАЩИТА СОВЕТОМ ЕВРОПЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ОТ НЕГАТИВНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ РЕЗУЛЬТАТОВ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Дата поступления 10 марта 2021 г.

В статье анализируется состояние обеспеченности прав человека в связи с развитием науки и технологий. Проводится исследование правовых актов Совета Европы, направленных на защиту от негативных последствий, сопутствующих научно-техническому прогрессу.

Ключевые слова и фразы: международное право; международное сотрудничество; права человека; угрозы правам человека; Совет Европы; принципы и нормы; искусственный интеллект; персональные данные.

O. A. Filippov, Z. I. Bikmееva

THE COUNCIL OF EUROPE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AGAINST THE NEGATIVE EFFECTS OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL PROGRESS

The article analyzes the human rights security in connection with the development of science and technology. A study of the legal acts of the Council of Europe aimed at protecting against the negative consequences of accompanying scientific and technological progress is being conducted.

Keywords and phrases: international law; international cooperation; human rights; threats to human rights; Council of Europe; principles and norms; artificial intelligence; personal data.

Совет Европы, целью создания которого является защита прав человека, обеспечение верховенства права и демократии на территории госу-

дарств-членов, реагирует на любое влияние на права человека, в том числе на вызовы современности. Многие международные договоры, принятые в рамках Совета Европы, уникальны и являются первыми в своем роде нормативными установлениями [1, с. 48].

Современные технологии, призванные улучшить качество жизни человека, в XXI в. все чаще стали создавать проблемы и сказываться негативно на ее содержании. Речь идет, в частности, об искусственном интеллекте, начинающем самостоятельно функционировать и претендовать на равное положение с человеком. В связи с этим все более очевидна целесообразность правового контроля технологий [2, с. 32] и недопустимость ущемления прав человека.

В 2017 г. ПАСЕ принята Рекомендация «Технологическая конвергенция, искусственный интеллект и права человека». Был поставлен вопрос о том, что новые технологии оказывают влияние не только на права человека, но и на саму концепцию существования человека. Они стирают границы между реальностью и виртуальностью, человеком и машиной. ПАСЕ отмечает, что нормативно-правовое регулирование отстает от темпов развития науки и технологий, становится все сложнее разрабатывать необходимые нормативы и стандарты. По мнению Ассамблеи необходимо внедрение в мир Интернета управления, независимого от частных интересов и интересов нескольких государств. В связи с этим необходимо: актуализировать Конвенцию о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, определить рамки использования роботов и вспомогательных технологий, рассмотреть вопрос о технологической конвергенции, ее социальных и этических последствиях, связанных с генетикой, геномикой и нейробиологией.

ПАСЕ предложено разработать руководящие принципы регулирования государственными органами указанных отношений исходя из того, что ссылки на самостоятельное принятие решений искусственными интеллектуальными системами не могут освобождать создателей и правообладателей этих систем от ответственности за нарушение прав человека. Государства, устанавливая порядок регулирования автоматизированного сбора, обработки и использования персональных данных, должны определять механизмы и процедуры информирования общества о ценности создаваемых банков данных, порядок согласования использования этих данных и продолжительность их хранения. Ассамблеей указывается, что искусственный интеллект должен оставаться под контролем человека, в том числе и в контексте оказания помощи менее защищенным слоям населения, должен быть обеспечен контакт с человеком, а не с роботом.

Рекомендация охватила важные аспекты защиты прав человека от негативного влияния современных технологий с целью привлечения внимания к данной проблеме.

Комитет министров Совета Европы согласился с общей направленностью Рекомендации. В рамках Совета Европы создан Комитет по биоэтике для защиты прав человека в биомедицине. Комитетом министров продолжается работа по актуализации нормативного регулирования Конвенцией о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, которая считается первым международно-правовым инструментом, направленным на защиту физических лиц от злоупотреблений при сборе и обработке данных и ставящим задачу регулировать трансграничный поток персональных данных. В Конвенции указано, что персональные данные, касающиеся расовой принадлежности, политических взглядов, религиозных или иных убеждений, а также имеющие отношение к здоровью или половой жизни, не могут подвергаться автоматизированной обработке, если не установлены соответствующие правовые гарантии. Это положение действует также в отношении персональных данных, касающихся судимости. Трансграничные потоки персональных данных не могут запрещаться участниками Конвенции, но должны быть защищены. В рамках данной Конвенции был создан Консультативный комитет, который призван облегчать и улучшать ее применение.

Россия является стороной данного международного договора, который вступил в силу для российской стороны в 2013 г. На сегодняшний день автоматизированная обработка персональных данных осуществляется повсеместно на государственном и частном уровнях. При отсутствии должного контроля в данной сфере право человека на личную и семейную тайну может быть нарушено (ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). Например, информация о религиозных убеждениях или судимости может быть использована для шантажа или других мошеннических действий.

С 2018 г. открыт для подписания Протокол к Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных. Документ установил жесткие требования в отношении правомерности обработки персональных данных, степень их соразмерности задачам обработки, предписывает минимизацию содержащейся информации. Определяются типы баз конфиденциальных данных исходя из содержащейся в них информации: генетические данные, биометрические характеристики, членство в профессиональных союзах, этническое происхождение. Предписывается обязательность информирования об утечке данных. Организация обработки данных должна исходить из требований открытости и прозрачности. Установлена повышенная подотчетность операторов данных. Общее требование – за-

щитить персональные данные на этапе проектирования систем их обработки, получившее название «проектируемая конфиденциальность». Все процессы обработки должны осуществляться на основе принципа защиты, не исключая интересы национальной безопасности, с возможностью исключения и ограничения в соответствии с нормами Конвенции. Определяется режим трансграничных потоков данных. Повышена степень независимости органов по защите данных с одновременным расширением их полномочий. Протокол укрепил правовые основы международного сотрудничества государств в регламентируемой сфере.

Вывод однозначен: защита персональных данных имеет большое значение для достойной жизни человека, использование персональных данных возможно лишь в целях, не противоречащих нормам международного права и национального законодательства [3, с. 194].

В 1997 г. была открыта для подписания Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины – Конвенция о правах человека и биомедицине (Конвенция Овьедо). Договор вступил в силу 1 декабря 1999 г.

Дадим краткую характеристику Конвенции как первому юридическому документу, ставящему целью недопущение использования достижений биологии и медицины в ущерб человеческой личности.

Провозглашая приоритет прав человека по отношению к интересам общества и науки, Конвенция объявляет запрет в отношении любых проявлений дискриминации в области генетических исследований. Только медицинские цели могут лежать в основе научных проектов с геномом человека. Признаются допустимыми генетическое тестирование и генная инженерия, проводимые для диагностики, профилактики и терапии серьезных заболеваний. Медицинские манипуляции, направленные на изменение наследственности человека, продление рода или возможный выбор пола планируемого ребенка, остаются под запретом. В качестве исключения Конвенция указывает один случай – предотвращение наследования ребенком серьезных заболеваний.

Определяя правила медицинского вмешательства, Конвенция утвердила норму, согласно которой медицинское вмешательство возможно только с согласия пациента, данного в ясно выраженной форме и заранее, которое может быть отозвано. Исключение составляют чрезвычайные обстоятельства.

Конвенция определяет правовой режим искусственных эмбрионов человека. Общее правило – запрет. Если же национальное законодательство не исключает создание искусственных эмбрионов – строгий контроль.

Устанавливая правомерность медицинских исследований и вмешательства, Конвенция особое внимание уделяет защите прав лиц, не способных самостоятельно дать соответствующее согласие (детей и лиц, страдающих психическими расстройствами).

К Конвенции о правах человека и биомедицине принят ряд Протоколов.

Протокол о запрещении клонирования человека характеризуется как единственный в области клонирования человеческих существ международно-правовой акт, обязательный для государств. Сфера применения Протокола не затрагивает вопросов клонирования клетки или ткани человека.

Протокол о трансплантации содержит общие правовые принципы и нормы о трансплантации органов и тканей человеческого происхождения в лечебных целях. Установлен режим доступа к услугам в сфере трансплантации для пациентов на основе равенства прав в данной области, охраны здоровья и безопасности, запрета на финансовые вознаграждения доноров, а также открытости информации.

Живой донор должен быть согласен на трансплантацию и в любой момент может отозвать согласие. У умершего лица органы и ткани не удаляются, если требующееся в соответствии с законодательством согласие или разрешение на такое удаление не будет получено. Удаление не может быть проведено, если умершее лицо возражало против этого.

Протокол о биомедицинских исследованиях регулирует отношения, связанные с рисками и преимуществами исследований, обеспечивает правовую защиту лиц, не способных дать согласие на исследование.

Протокол о генетическом тестировании в медицинских целях регулирует ряд важных вопросов, в их числе качество генетических исследований, информирование и получение согласия пациента, генетическое консультирование. Документ предусмотрел механизмы правовой защиты частной жизни и права на информацию, полученную в результате генетического тестирования.

Данные международные соглашения направлены на обеспечение и защиту основных прав человека – права на жизнь (ст. 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод) и права на личную неприкосновенность (ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). Также в них регламентируются вопросы здоровья, которое является ценностью человеческой жизни.

Развитие биомедицины помимо положительных последствий имеет ряд негативных: незаконная трансплантация органов и тканей человека, незаконные медицинские опыты, клонирование людей, что исключает уникальность каждого человека, его индивидуальность. Этическая составляющая жизни человека может быть обесценена. Это послужило отправной точ-

кой формирования международно-правовой основы биомедицины, ядром которой является Конвенция о правах человека и биомедицине (1997).

Совет Европы – международная организация, которая помимо содействия сотрудничеству государств-членов в области стандартов права, демократии и культуры решает и проблемы защиты прав человека, отвечая вызовам современности. Данной организацией принимаются уникальные в своем роде документы, привлекающие внимание к проблематике, являющейся актуальной как на современном этапе, так и в будущем. Научно-технический прогресс, несомненно, улучшает жизнь человека, но при этом опасность нарушений прав человека сохраняется и продолжает расти. В связи с этим необходима своевременная реакция международного сообщества государств. Примером тому служит Совет Европы, в рамках которого принят ряд важных и актуальных международных документов, развивающих стандарты защиты прав человека.

Список использованной литературы

1. Кузнецов С. Институциональная структура и источники права Совета Европы // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2002. № 1 (38). С. 48–55.
2. Попова А.В., Горохова С.С., Азнагулова Г.М. К вопросу о необходимости определения цели и задач правового регулирования в сфере искусственного интеллекта, киберфизических систем, роботов и объектов робототехники // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 3 (57). С. 31–36.
3. Вахитова Г.В., Шонин Н.Е. Информационные технологии и международное право // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 1 (47). С. 193–199.

References

1. Kuznetsov S. Institutional Structure and Sources of Law of the Council of Europe. *Konstitucionnoe pravo: vostochnoevropejskoe obozrenie = East European Constitutional Review*, 2002, no. 1 (38), pp. 48–55. (In Russian)
2. Popova A.V., Gorokhova S.S., Aznagulova G.M. To the Issue of the Necessity to Define the Purpose and Objectives of Legal Regulation in the Field of Artificial Intelligence, Cyber-Physical Systems, Robots and Robotics. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2019, no. 3 (57), pp. 31–36. (In Russian)

3. Vakhitova G.V., Shonin N.E. Information Technology and International Law. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2018, no. 1 (47), pp. 193–199. (In Russian)

Информация об авторах

Филиппов Олег Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и международных отношений Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа; e-mail: fil.o1020@mail.ru;

Бикмеева Залифа Ильдаровна – выпускница Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа; e-mail: bicmееva.zalifa@yandex.ru

Для цитирования

Филиппов О.А., Бикмеева З.И. Защита Советом Европы прав человека от негативных последствий результатов научно-технического прогресса // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2021. № 1. С. 51–57. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.9.8.

Information about the Authors

Filippov Oleg Aleksandrovich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Chair of International Law and International Relations, Institute of Law, Bashkir State University, Ufa; e-mail: fil.o1020@mail.ru;

Bikmееva Zalifa Ildarovna – graduate of the Institute of Law, Bashkir State University, Ufa; e-mail: bicmееva.zalifa@yandex.ru

For citation

Filippov O.A., Bikmееva Z.I. The Council of Europe Protection of Human Rights Against the Negative Effects of Scientific and Technical Progress. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universite-ta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State Uversity*, 2021, no. 1, pp. 51–57. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.9.8. (In Russian).

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 347.9

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.9.9

Г. Р. Фахрутдинова

РЕАКЦИЯ НА СУДЕБНОЕ ИНВЕСТИРОВАНИЕ: ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ, ОЖИДАНИЯ И ОПАСЕНИЯ

Дата поступления 28 февраля 2021 г.

Как и любое новое явление, институт судебного инвестирования имеет не только положительные отзывы, но и подвергается критике со стороны юридического сообщества. По этой причине следует осмыслить условия интеграции нового института в правовую материю российского законодательства.

Ключевые слова и фразы: судебное инвестирование; инвестор; адвокат; процесс; арбитражный суд.

G. R. Fakhrutdinova

RESPONSE TO JUDICIAL INVESTMENT: IMPLEMENTATION ISSUES, EXPECTATIONS AND FEARS

Like any new phenomenon, the institution of judicial investment has not only positive reviews, but is also criticized by the legal community. For this reason, it is necessary to comprehend the conditions for integrating the new institution into the legal framework of Russian legislation.

Keywords and phrases: court investment; investor; lawyer; process; arbitral tribunal.

Модель судебного инвестирования предполагает триаду взаимоотношений, в которой следует выделять роль инвестора, предоставляющего финансовые возможности для ведения судебных процессов, роль адвоката (юриста), выполняющего функции судебного представителя, а также роль клиента (доверителя), чье субъективное право нарушено. Именно характе-

ристика нарушенного права является основой и катализатором тройственной взаимосвязи инвестора, юриста и доверителя.

Обеспокоенность по вопросу легализации нового правового института обусловлена различными причинами. В первую очередь опасения, связанные с судебным инвестированием, основаны на предположении о том, что финансирование судебных разбирательств станет причиной значительного увеличения количества судебных дел, что приведет к увеличению существенной нагрузки на судебную систему в целом. Кроме того, увеличение трафика судебных дел может негативно сказаться на качестве судебных актов, что, в свою очередь, создает риск для инвестора. Судебная система и без того сегодня крайне перегружена, заседания назначаются со значительным интервалом, и все это сказывается на общем сроке рассмотрения дела.

Следует полагать, что повышение интереса к судебным разбирательствам может спровоцировать пересмотр размера платы за обращение в суд, в связи с чем размер государственной пошлины может быть увеличен.

В настоящее время для подачи искового заявления имущественного характера по гражданскому делу в суд общей юрисдикции предельный размер госпошлины составляет 60 000 рублей, в арбитражный суд – 200 000 рублей. В зарубежной практике для подачи иска требуется уплатить пошлину, размер которой порой исчисляется миллионами рублей. Кроме того, необходимо учесть, что, к примеру, в английских судах кроме пошлины за подачу искового заявления также облагается пошлинами подача отдельных процессуальных документов в ходе судебного разбирательства, чего нет в Российской Федерации [1].

На наш взгляд, в этой ситуации целесообразно рассмотреть возможность не только судебного инвестирования, но и модель инвестирования внесудебного урегулирования спора.

В последнее время наблюдается тенденция к разрешению споров в досудебном порядке. Преимущества такой формы разрешения конфликта очевидны – укрепление деловых отношений между сторонами, что способствует продолжению продуктивного и взаимовыгодного сотрудничества, исключение репутационных рисков, экономия времени и средств.

Вместе с тем субъекты малого и среднего предпринимательства часто нуждаются в квалифицированном правовом советнике, который готов выступить переговорщиком с оппонирующей стороной. Задача досудебного сопровождения в этом случае заключается в формировании выгодных и неоспоримых условий, которые стороны удостоверяют в форме соглашения. При этом досудебные переговоры помимо юридического сопровождения могут потребовать определенных затрат, включая командировки к месту ведения переговоров, расходы на оплату нотариальных услуг, затраты на при-

влечение узкопрофильных специалистов. В этой ситуации востребованность взаимодействия с инвестором не исключается.

Таким образом, полагаем целесообразным развивать и популяризовать цивилизованные способы разрешения спора, в том числе на условиях внешнего инвестирования досудебных переговоров.

К проблематике судебного инвестирования относят вопросы и так называемого «обратного взыскания». Речь идет о ситуации, когда в результате проигранного дела с истца по заявлению ответчика может быть взыскана компенсация за потерю времени. Такая возможность предусмотрена ст. 99 ГК РФ. В этой ситуации возникает сложность в определении лица, которое должно будет возместить взысканную судом компенсацию. Следует ли в таком случае возлагать бремя ответственности на инвестора, который принимает не только относительные, но и абсолютные риски по делу, или на юриста, который мог неверно квалифицировать и оценить риски по делу, или на клиента, который *de jure* является ответственной стороной согласно прямому толкованию процессуального законодательства?

Широко обсуждаются вопросы, связанные с определением квалификации юриста, который будет заниматься судебным представительством.

Сегодня сложилась ситуация, когда фактически одинаковая юридическая помощь неопределенному кругу граждан и организаций оказывается либо адвокатами, либо предпринимателями (юристами, не имеющими статуса адвоката). В обоих случаях правовое регулирование представительства имеет значительные различия.

Существует мнение, что правом на участие в трехстороннем соглашении по финансированию судебного разбирательства должны обладать лишь адвокаты, статус которых сам по себе является показателем высокой квалификации.

С другой стороны, юридические услуги могут оказывать лица с разнообразными профессиональными треками, чья квалификация и репутация может быть подтверждена количеством успешно разрешенных дел. Например, аудиторы, таможенные брокеры и другие профильные специалисты.

Еще одной проблемой, заслуживающей внимания, является оценка риска и перспектив любого потенциального кейса, рассматриваемого как предмет судебного финансирования. На предварительном этапе юристу или группе юристов предлагается сформировать независимое заключение по делу. Для этого в том числе выполняется анализ судебной практики по аналогичным делам.

При этом по многим причинам довольно сложно сказать, что определенные казусы в судебной практике способны формировать однозначные правила применения норм права. Например, многословие, из-за которого не

понятно, что в решении важно, а что не важно, на какие обстоятельства опирается вывод суда; явная недоговоренность, когда суд рассуждает в духе всеобъемлющего описания многочисленных норм, которые не содержат ключевой мысли. В связи с тем, что в судебной практике доля решений, в которых содержится четкая правовая позиция и аргументация, невелика, усложняется оценка перспективности кейса. По этой причине прогнозирование успеха дела со ссылкой на судебную практику не может служить исключительной гарантией положительного исхода.

Еще одной дискуссионной проблемой являются последствия реализации истцом права заявить отказ от иска. Российское процессуальное законодательство позволяет заявить отказ от иска не только в суде первой инстанции, но и в апелляции. Такое решение клиента (доверителя) может быть обусловлено не самыми добрыми побуждениями. К примеру, причиной для отказа от иска может стать предложение ответчика разрешить спор «за кулисами судебного заседания» на взаимовыгодных и возмездных условиях, более привлекательных по сравнению с теми, что предоставлены инвестором.

Таким образом, при реализации судебного финансирования как формы обеспечения доступности судебной защиты необходимо ответить на вопросы, вызывающие обеспокоенность в юридическом сообществе. Представляется, что тонкая правовая настройка парадигмы российской действительности должна вестись по принципу *primum non nocere*.

Список использованной литературы

1. Правосудие в современном мире : моногр. / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М. : Норма, Инфра-М, 2012. 704 с.

References

1. Lebedev V.M., Khabrieva T.YA. (eds.). *Pravosudie v sovremennom mire* [Justice in the Modern World]. Moscow, Norma, Infra-M Publ., 2012. 704 p.

Информация об авторе

Фахрутдинова Гузель Ринатовна –
старший преподаватель кафедры
государственного права
Института права Башкирского
государственного университета,
г. Уфа; e-mail: guz1909@yandex.ru

Information about the Author

Fakhrutdinova Guzel Rinatovna –
Senior Instructor of the Chair of State
Law, Institute of Law, Bashkir State
University, Ufa;
e-mail: guz1909@yandex.ru

Для цитирования

Фахрутдинова Г.Р. Реакция на судебное инвестирование: вопросы реализации, ожидания и опасения // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2021. № 1. С. 58–62. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.9.9.

For citation

Fakhrutdinova G.R. Response to Judicial Investment: Implementation Issues, Expectations and Fears. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2021, no. 1, pp. 58–62. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.9.9. (In Russian).